

ВЕРА КАТША

ЯД
МИНУВШЕГО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вера Викторовна Камша
Зимний излом. Том
2. Яд минувшего. Ч.2
Серия «Отблески Этерны», книга 4

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156187
Камша В. Яд Минувшего. Часть 2: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-21484-6*

Аннотация

Свершилось. Принц-изгнанник Альдо Ракан коронован в городе, где некогда был предан и убит его предок. Ворон Рокэ, Повелитель Ветра, потомок предателя и опора династии Олларов – во власти нового государя. Его ждут суд и казнь. В этом не сомневается ни сам Альдо Первый, ни готовый шагнуть за сюзереном хоть в Закат Повелитель Скал, ни выбирающий между страной и другом, бывшим другом, Повелитель Молний, ни скрытный Повелитель Волн. Их четверо. Всегда четверо. Навеки четверо. Скованных невидимой цепью, но идущих разными дорогами. А отставших и отчаявшихся за поворотом ждет пегая кобыла – и это не самое плохое, что может случиться. Хуже, если древняя вестница смерти опоздает.

Содержание

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «Колесница» [1]	5
Глава 1 НАДОР	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	75
Глава 7	89
Глава 8	110
Глава 9	124
Глава 10	136
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	157
Глава 1	157
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Вера КАМША

ЗИМНИЙ ИЗЛОМ. ТОМ

2. ЯД МИНУВШЕГО. Ч.2

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Галину Каспарову,
Александра Зелендинова, Марину Ивановскую,
Данила Мелинца, Юрия Нерсесова,
Ирину Погребецкую, Михаила Черниковского,
Татьяну Шапову.*

*В чужих словах скрывается пространство:
Чужих грехов и подвигов чреда,
Измены и глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Невиданное. Маятник столетий
Как сердце бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.
Они живут, не возвратясь обратно
Туда, где смерть нашла их и взяла,
Хоть в книгах полустерты и невнятны
Их гневные, их страшные дела.
Они живут, туманя древней кровью
Проливой и истлевшей давно
Доверчивых потомков изголовья.
Но всех прядет судьбы веретено
В один узор; и разговор столетий*

*Звучит, как сердце, в сердце у меня.
Так я двусердый, я не встречу смерти
Живя в чужих словах, чужого дня.
Лев Гумилев*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «Колесница» ¹

*Слишком лютая ненависть ставит нас ниже
тех, кого мы ненавидим.
Франсуа де Ларошфуко*

¹ Высший аркан Таро «Колесница» (Le Chariot). Карта символизирует поиск и нахождение своего места в жизни, движение, прогресс, победу. Это самопознание, сила воли, ответственность. Может предвещать путешествие или же праведную жизнь. Может означать преодоление препятствий, снятие (временное) противоречий, обуздание противоборствующих сил, вовремя подоспешую помощь. Иногда карта напоминает о том, что для того, чтобы оставаться победителем, необходим тщательный баланс, умение примирять противоположности и находить взаимовыгодные решения. Может означать излишний динамизм, переходящий в суетливость. ПК (перевернутая карта) – стремление к неудачной цели, разрушение планов из-за неправильно понятой ситуации. Указывает на неблагоприятное влияние окружающих, неуверенность, сомнения, топтание на месте. Может обозначать переоценку собственных сил.

Глава 1 НАДОР

400 год К.С. Вечер 18-го дня Зимних Скал

1

Госпожа Арамона, – уже видящая себя в столичном особняке Джоан сделала вполне сносный книксен, – к вам те-
ньент Левфож.

– Пусть войдет. – Луиза поправила шаль и потянулась к корзине с шитьем. – Дверь можешь не закрывать.

– Да, госпожа Арамона. – Проныра предпочла бы дверь закрыть, а щелочку оставить. Обойдется, а заодно узнает, что дуэнье молодой герцогини и кавалеру Селины скрывать нечего. И это действительно так. Пока.

Занятая шушуканьем с Айрис дочка на красивого офицера не глядела, Рауль подумал и принялся обхаживать маменьку красавицы, и ведь не боится! Ну, допустим, Селина и через двадцать лет чудищем не станет, но внучки частенько удаются в бабушек.

– Сударыня, – Рауль подмел щербатый пол столичной

шляпой, – прошу меня простить, но вы мне очень нужны.

Луиза отложила шитье и улыбнулась:

– Неужели я? А мне кажется, кто-то другой.

– Вы, – просто сказал Левфож. И Луиза поверила, южанин врать не умел. – Госпожа Селина сказала, будто вы не считаете, что госпожа Мирабелла отравила коня госпожи Айрис.

– Я не очень хорошо знаю лошадей, – госпоже Селине надо учиться молчать, – но герцогиня Окделл не похожа на отравительницу. Другое дело, что линарец больше никому не мешал. Садитесь, Рауль.

– Благодарю. – Теньент опустил на неизящно скрипнувший стул. – Сударыня, мне кажется, вы правы.

– То есть? – наострила уши Луиза, после откровений Эйвона проникшаяся к герцогине чем-то вроде сочувствия. – Слуги постарались?

– Поймите, я не могу сказать наверняка. И никто не может.

– Говорите, как есть. – Мирабелла, конечно, змея, но змея несчастная. Если Айри это поймет, пожар может и погаснуть. Душа у великой заговорщицы добрая.

– Лошади – создания загадочные. – Лицо Левфожа стало мечтательным, не зная капитанша, о чем речь, решила бы, что теньент думает о Селине. – Недаром говорят, приведи к коню двух коновалов, услышишь про восемь болячек.

– Но вы-то – один, – улыбнулась капитанша, – и вы не коновал, а офицер.

– Сударыня... – Рауль задумался, подбирая слова. Красивый мальчик, хоть и рыжий. – Конь мог отравиться случайно. Если косят не глядя, в сено может попасть болиголов, дигитта или собачья трава. Болигорова, правда, нужно много, и вряд ли бы обошлось одним конем, а дигитта действует иначе. Из трав, что я знаю, Бьянко мог убить огнеплас, но здесь он не растет.

– Зато здесь произрастают анемоны, – не удержалась Луиза, – в изобилии. А также незабудки и ромашки.

– Ромашки не ядовиты. – Разумеется, Левфож ни кошки не понял. – Сударыня, я склонен думать, что гибель Бьянко была несчастным случаем. Я расспросил конюхов, они не ума палата, но рука на лошадь у них не поднимется, а госпожа Мирабелла... Она скорей бы отрубила Бьянко голову на площади и насадила на копьё.

– Принадлежащее святому Алану, – уточнила Луиза, и все было кончено. Ухажер Селины и предполагаемая теща не смеялись – они выли в голос, утирали слезы и только что не катались по растрескавшемуся полу.

Луиза опомнилась первой:

– Прошу простить. – Хорошо, ресницы не покрашены, а то бы потекло. – Так от чего, по-вашему, погиб Бьянко?

– Колики, – объявил Рауль, – штука очень коварная и непредсказуемая, а выглядит как отравление, не отличишь.

– А с чего он мог заболеть? – Луиза окончательно отдышалась и глянула в открытую дверь: пусто, и слава Создате-

лю. – Нет, Рауль, я вам верю, но я должна убедить Айрис.

– Я понимаю. – Офицер был страшно серьезен. – Когда мать и дочь ни в чем не соглашаются, это ужасно.

Если б только не соглашались! Герцогини надорские созреть друг друга готовы. Капитанша подмигнула Левфожу:

– Наш долг – прекратить войну.

– Я к вашим услугам, – заверил Левфож. – Госпожа Айрис чувствует лошадей, но она была знакома лишь с местной... я бы не назвал это породой...

– Назовите их одрами, – подсказала капитанша, и Рауль снова фыркнул.

– Они ужасны, но неприхотливы, а Бьянко к таким, простите, – южанин задумался, подыскивая слова, – к таким могилам не привык, да и корма сменились. Дорогих линарцев растят на всем лучшем, а тут коза и та затоскует. Конюхи говорят, госпожа Айрис гоняла Бьянко по холоду, он пил холодную воду, вот и не выдержал.

– Слишком быстро все произошло, – подняла голову дворцовая подозрительность, – у моего, прости Создатель, супруга колики случались, так ведь не с... не умер.

– Тут наложилось одно на другое, – наморщил лоб Левфож. – Начались колики, конь, чтобы избавиться от боли, принялся кататься по полу... Виконт Лар это увидел и побежал за госпожой Айрис и герцогом Окделлом. Пока он их искал, Бьянко становилось все хуже, конюхи попробовали ему помочь, да перемудрили.

Ларс, старший конюх, не хотел говорить, но я его... убедил. Болван признался, что напоил беднягу местной тинтой, думал, полегчает. Другому, может, и помогло бы, а Бьянко стал задыхаться. Похоже, отек гортани... С лошадьми такое бывает: сотня выпьет и спасибо скажет, а сто первой – конец.

– С людьми тоже бывает. – Этот довод Айрис поймет. Сама же говорила, что от ветропляски задыхается, а Ричарду с Дейдри хоть бы что. – Рауль, вам не кажется, что виконт Реджинальд задерживается? Кузина его заждалась.

– Да. – Теньент мечтательно улыбнулся, и вряд ли от мысли о загулявшем толстячке. – Госпожа Айрис каждый день ездит его встречать. Эти прогулки укрепляют ее здоровье.

А тебе позволяют водить в поводу кобылку Селины, ну и води на здоровье. Хороший ты парень, а папенька умрет, станешь бароном. Надо тебя в заговор затащить, заговоры сблизают, а первая любовь рано или поздно складывает крылья. Должна сложить...

Госпожа Арамона убрала шитье:

– Я сейчас же поговорю с Айрис, а вам пора седлать коня. Или вы предполагаете остаться на ночь?

– О нет. – Левфож еще разок подмел пол алыми перьями. – Мое место рядом с моими людьми. Не хочу вас пугать, но на тракте беспокойно. Будем откровенны, провинция Окделлам не принадлежит. Монсеньору следует поторопиться с приездом и еще больше с отъездом.

Айрис сидела на сундуке и теребила перчатки, она вечно что-нибудь теребила. От камина несло закатным жаром, а мутные окна заросли ледяными папоротниками, дикость... Луиза переставила подсвечники и велела приткнувшейся в уголке Селине выйти. Дочка подхватила недонизанные бусы и скользнула за дверь, Айрис вздернула подбородок:

– У меня от Сэля тайн нет.

– А у меня есть. – Луиза уселась на еще теплый стул и поняла, что забыла вышивание, ну и кошки с ним. – Свои камни надо таскать самой, а не вешать на чужие шеи.

– Я не стану просить прощения, – девица Окделл предпочла взять быка за рога, – и молиться не пойду. Просить Создателя еще хуже, чем Манриков.

– А ты пробовала? – Луиза расправила шаль: шелковистые кисти напомнили об исчезнувшей Кончите.

– Нет, – отрезала молодая герцогиня. – Манрики – сви-
ньи, а свиной не просят. Рыжие ничего хорошего никому не сделали, им нравилось, что они могут все.

– Это многим нравится, – пожала плечами капитанша, – и всегда нравилось, но равнять тессория с Создателем – это слишком.

– Создатель хуже. – Перчатки перелетели через комнату, одна достигла стола, другая свалилась на ковер. – Он создал

Манриков, и Ракана, и все остальное... Ему нравится, что все плохо, но благодарить за это я не буду.

– Твое дело, – прервала богословский спор Луиза, – но твоя мать создала не Манриков, а тебя.

– Матушка ненавидит Монсеньора, – пустила в ход неубиенный довод дочь великого Эгмонта, – и она убила Бьянко.

Что ж, вот и повод для откровений!

– Бьянко никто не травил, – выпалила дуэнья, уподобившись своей воспитаннице. – Он сам сдох, и кто бы на его месте не сдох? Это люди могут здесь жить, а линарец – существо деликатное.

– Это ОНА так говорит, – буркнула Айри, за неимением перчаток принимаясь тереть юбку.

Госпожа Арамона с вожделением глянула на приткнувшуюся к камину кочергу.

– Это говорит Левфож, – вот ведь ослица злопамятная, – я ему верю и тебе советую. Парень предан Эпинэ и прекрасно разбирается в лошадях.

– Все равно, – вот что девочка никогда не делает, так это не опускает глаз, – значит, она подумала, что это слуги. Она всегда хотела, чтоб другие убивали по ее приказу. Вы не видели, как она радовалась, когда Бьянко... Это все равно что убить самой!

Луиза вздохнула.

– Герцогиня Мирабелла – немолодая, некрасивая, недобрая и несчастная женщина. Я понимаю, почему ты от нее

сбежала, но теперь ты сильнее. Ты не в ее власти, но в твоей власти ее пожалеть, так пожалей.

– А вы? – не спустила флаг непокорная дочь. – Вы ее жалуете?

– Я? – Луиза усмехнулась. – Я тоже некрасивая, недобрая и немолодая. Не скажу, что жалею, но понимаю.

– Вы – добрая! – возмутилась Айрис. – Селина говорила... И я сама вижу, и вы красивая! Эйвон в вас влюбился и правильно сделал, только он старый совсем!

Она тоже не молоденькая, но услышать, что ты – мать, а не мармалюка, приятно. Не меньше чем узнать, что ты в свои за сорок слишком молода для графа. Ну а про Эйвона не заметим, сейчас он не нужен.

– Послушай, что я тебе скажу. – Может, поймет; не сейчас, так потом, ожегшись. – Твоя матушка с детства была обручена с одним человеком. Не знаю, любила она или нет, но женихом его считала. А потом ей сказали, что он встречается в столице с... с не очень хорошей женщиной.

– Он ее любил? – деловито уточнила невеста герцога Эпинэ. – Ту, с которой встречался?

– Вряд ли, – Луиза решила быть честной, – он просто... проводил с ней время.

– Ну и что? – взмахнула ресницами Айрис. – Монсеньор тоже встречался. У него даже бастарды есть, он же мужчина...

– Кто тебе сказал? – Вот и бери на себя заботу о распуска-

ощемся цветке, а это не цветок, а готовое яблочко. Славное такое, наливное, с червячками.

– Если мужчина спит с женщиной, – объяснила девица Окделл, – у них бывают бастарды, и в этом нет ничего страшного. То есть для мужчины нет. Хорошо, что новым королем будет сын Монсеньора. Фердинанда никто не слушал. Мне его жалко, не хочу, чтоб его убили.

Фердинанда Оллара жаль, собственную мать – нет, вот и решай, кто здесь мармалюка.

– Я тоже не хочу, – не покривила душой госпожа Арамона. Несчастный Оллар заслуживал выволочки, но не смерти. Айрис радостно улыбнулась:

– Сэль говорит, вы не верили, что я предала Монсеньора.

– Не верила, – подтвердила Луиза, – и сейчас не верю.

– Ну вот видите, – обрадовалась непонятно чему заговорщица, – а все остальные поверили. Даже Сэль.

– Селина не умеет врать, – сказала полуправду Луиза, – и не понимает, когда врут другие.

И еще дочка влюблена в того же синеокого красавца, что и ты, только без надежды.

Айрис оперлась рукой о подбородок.

– Хотите, я расскажу, как мы встретились с Монсеньором?

– Герцог Алва сказал, что ты приехала к брату. Когда просил меня переехать в его дом.

– Он сразу в меня влюбился, – мяукнула Айрис, – только

не понимаю почему... Я думала, он меня прогонит, с ним один кавалер был, кудрявый, в бантах. Вот ему я точно не понравилась, а Монсеньор... Я хочу, чтоб у моих детей были синие глаза.

– Серые тоже неплохо. Айрис, когда мы отсюда уедем, ты будешь красить ресницы и брови.

– Хорошо. – Айрис было не до краски. – Понимаете, он сначала просто хотел жениться. Для наследника и вообще. Дикон ему сказал про меня, а Окделл лучше, чем Манрик или Придд... Рыцари часто женились на сестрах оруженосцев. Монсеньор купил Бьянко и прислал в Надор Дикона, а этот гаденыш...

– Вы еще помиритесь.

– Никогда, – тряхнула головой сестрица, – и Монсеньору не дам! Дикон все предал, понимаете, все! Расселся в доме Монсеньора, как... как стервятник, и совал мне женихов и приданое... Бархат и рубины... Клещ собачий! Когда домой приехал, на нем ни одной надорской нитки не было. Баловника отослал, потому что у него теперь мориска – Монсеньор подарил.

Монсеньор дарил, а он глотал, кукушонок несчастный, а потом... Все забыл, в своего Таракана вцепился! Повелитель Скал! Тварь болотная, жаба... Отравитель! Если б ему удалось, Монсеньора... уже бы не было! Всыпал яд и удрал! А я... Я на следующий день приехала.

– А это кто тебе рассказал?

– Краклиха... То есть Людовина Кракл. Помните, Фердинанд прислал пироги с земляникой, а они плевались?

– Не помню. – Фердинанд всегда посылал фрейлинам лакомства... Бедолага!

– Мы перемазались, пошли в туалетную, мыться. Тут дура белобрысая и шепнула, что мне гордиться нечем, потому что Дикон – убийца.

– Странно, что ты ее не побила.

– Графиня Рокслей пришла, – извиняющимся тоном сказала Айрис. – Я ее спросила: правда, что Дик отравил Монсеньора? Дженнифер велела Людовине извиниться, потому что еще ничего не известно. Краклиха извинилась, и тут я подумала, что Дик мог на самом деле... И что тогда Монсеньор не просто решил жениться. Он в меня влюбился, потому он и кукушонка этого простил.

– Он простил раньше.

– Нет, когда увидел меня... Если он после такой подлости меня за одно только имя не выгнал.

– Никогда бы не подумала, – удивилась Луиза, – никогда бы не подумала, что ты можешь так молчать.

– Могу молчать? – Недоумевающие серые глаза были хороши. Воистину молчание и удивление украшают.

– О том, что тебе наговорила эта... Кракл, я слышу только теперь. Сэль тоже не знала?

– Я не хотела, чтоб знали. Даже вы. – В серых омотах что-то плеснуло и ушло в глубину. – Вы – люди Монсеньора, если

б вы узнали... Да я сама с собой из-за такого брата перестала бы говорить, и потом... Краклиха могла и соврать. Она ведь сплетница.

– И дура к тому же, – уточнила госпожа Арамона. – Только ты – это ты, а твой брат – это твой брат. Что бы он ни натворил, ты не виновата.

– Я тоже Окделл, – лицо Айрис стало грустным, – а мы только и делаем, что себя позорим. Я так хотела, чтобы все стало враньем и Дик просто уехал по делу. Ну мог же Монсеньор его куда-нибудь послать?

– Конечно, мог...

– А он в самом деле предал, – выдохнула Айрис. – Мне в Багерлее снилось, как они возвращаются с Монсеньором и вышвыривают Манриков. Я... Я думала, эти сны вещице. Когда нас выпустили, я... Вы мне сказали, что неприлично все время говорить про Монсеньора, и я спросила про Дикона. И Краклиха... Я не хотела верить, не хотела!.. А он, оказывается... Письмо пришло, а там сплошной Ракан-Таракан! И дребедень всякая – лошади, серьги... Лучше б он сдох!

– Прекрати! – прикрикнула капитанша. – Ричард Окделл не первый и не последний. А ну, накинь шаль!

Айрис дернула головой и часто задышала. Слишком часто! Луиза ухватила меховое одеяло и замотала воспитанницу по самый нос.

– Ты третий месяц твердишь, что у тебя нет брата. Его и нет. Забудь. К приезду Эпинэ ты должна быть здорова. По-

няла? Ради твоего Монсеньора!

– Я буду, – пообещала Айрис, – пусть все знают, что я, хоть и Окделл... Я достойна имени Алва.

– Всем знать как раз и не следует, – напомнила Луиза. –
Время неподходящее.

– Это потом, – утешила девица, – когда мы будем вместе в Алвасете. Госпожа Арамона, я так его люблю... Вы не понимаете...

– Отчего же, понимаю. В первый раз всегда так.

– Не в первый, но в последний.

– Не в первый? – Сегодня вечер откровений. – Какая ты опытная.

– Я влюбилась в Джеймса Рокслея, – Айри по-кроличьи дернула носом, – мне было тринадцать лет, только он на меня не смотрел.

– Ты была маленькая, и тебя плохо одевали, – утешила Луиза.

– В серое, как Эдит и Дейдри. Когда я увидела Монсеньора, было еще хуже, а он как вошел, так и замер... Если б он в меня не влюбился, он бы меня выгнал. Из-за Дикона.

Выгонишь такое... Это хуже, чем котенка выбросить.

– Айрис, почему герцог Эпинэ решил тебе помочь? Он ведь решил?

– Монсеньор ему спас жизнь, – объяснила заговорщица, – а Робер – Человек Чести! Они с Монсеньором станут как братья, а я буду Эпинэ сестрой. Госпожа Арамона... Нехо-

рошо, что Сэль не хочет замуж! Давайте сделаем так, чтобы она вышла за Эпинэ.

– Айрис, – вздохнула Луиза, – Эпинэ – герцог, а Селина...

– Сэль – красавица, – отрезала юная герцогиня. – Рамиро Алва женился на Октавии, а она вообще была никто. И Франциск на ней женился, и все с ней были счастливы, и Робер будет.

– Со святой Октавией? – улыбнулась Луиза.

– С Сэль, – прыснула Айри, – это я напутала. Эпинэ, он ведь тоже красивый. Вы заметили?

– Разумеется, – кивнула Луиза, – очень красивый и очень порядочный. Мы не должны его подвести. Робер хочет спасти Монсеньора, он не обидится, если мы напишем Савиньянку?

– Конечно, нет, – подпрыгнула Айрис. – Я хотела Реджинальда попросить, но он где-то застрял, а сама я обещала из Надора не уезжать, хотя я могу...

– Ты можешь. – Луиза поняла, что гладит пепельные волосы, только почувствовав под пальцами живое тепло. – Ты многое сможешь и многое вынесешь... Завтра я переговорю с Левфожем, только сначала одна. Хорошо?

– Конечно, – согласилась Айри. – У вас лучше получится. Робер придет, мы возьмем солдат Лионеля и вернемся за Монсеньором.

– Эреа Айрис. – Унылый слуга откровенно наслаждался жарой. – Ужин подан в трапезной, но госпожа герцогиня

ужинает у себя.

– Ну и хорошо, – выпалила Айрис и вдруг добавила: – Госпожа Арамона... Я завтра попробую помириться с матушкой... Я в самом деле попробую.

Айри-то попробует, осталось уговорить Мирабеллу. Госпожа Арамона деловито поправила своей подопечной прическу:

– Не надо спешить. Первый шаг должна сделать эрза Мирабелла.

Глава 2

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Брат мой, вас спрашивают, – пожилой монах говорил шепотом, но Катари все-таки услышала и открыла глаза.

– Тебе нужно идти? Иди...

– Тише. – Робер тихонько сжал хрупкое запястье: оставлять сестру, хотя бы и у Левия, было страшно. – Кому я понадобился?

– Наш гость назвал себя генералом Карвалем. Он очень настойчив.

– Карваль? – переспросила Катари. – Твой капитан? Это, наверное, важно.

Это важно без всяких «наверное», Никола настаивает только тогда, когда не может решить сам, а такое бывает нечасто.

– Я узнаю, в чем дело, и вернусь.

– Не нужно, – женщина осторожно высвободила руку, – со мной все хорошо... Его высокопреосвященство меня не оставит, а ты нужен другим. Только приходи вечером, я должна знать, что с ними... С герцогом Алвой и... моим мужем.

– А что с ними может быть? – улыбнулся Иноходец. – Суд провалился, их вернули в Багерлее. Вот увидишь, весной твоему величеству придется вступаться за нас с Карвалем. Ты не позволишь отрубить мне голову?

– До весны надо дожить. – Катари или не поняла шутки, или не захотела понять. – Отодвинь занавеску, пожалуйста.

– Сейчас. – Робер потянул черный бархатный шнур. Серебристое полотнище поползло вверх, открывая предрассветную тяжелую синеву, сквозь которую прорастали звезды. Ночь кончилась, а он и не заметил.

– Какая я гадкая, – Катари перебросила на грудь спутанные волосы, – спала, как сурок, а о тебе не подумала. Ты ведь сидел со мной всю ночь?

– А с кем мне еще сидеть, – отмахнулся Робер, – разве что с Клементом. Это мой крыс, я его в Агарисе подобрал. Ты боишься крыс?

– Нет, – она все-таки улыбнулась, – теперь, наверное, нет. Я боюсь только людей. Твоего Альдо боюсь...

– Он тебе ничего не сделает, – поспешно выговорил Робер, – ты – женщина и гостья кардинала.

– Мне – нет, – тонкие пальцы то ли разбирали светлые

прядки, то ли путали, – но тебе... Твой король – жестокий человек. Ты не представляешь, как Фердинанд любит Алву, а его заставили лгать. Фердинанда пугали не просто смертью... Боюсь... Боюсь, они обещали что-то сделать со мной.

Похоже на то, только вряд ли сюзерен запугивал Оллара сам. Поручил очередному Морену, знавшему, на чем поймать бывшего короля. Другое дело, что Альдо дал понять, чего ждет от следствия. Эпинэ поцеловал сестру в лоб.

– Я пошел к Карвалю. Ничего не бойся, отдыхай, жди меня вечером. И выкини из головы всякие глупости. Для тебя главное – сын, вот о нем и думай.

– Не могу. – Катарина виновато улыбнулась. – Наверное, я больше королева, чем мне казалось... Я хотела быть просто ждущей ребенка женщиной и не сумела... Я всегда думала, что не хочу короны, и я ее не хотела, клянусь тебе! Но когда Манрики бросились на Эпинэ, во мне что-то взорвалось, а теперь еще хуже... Будь твой Ракан добрым рыцарем из сказки, в которого я верила, я бы просто жила, а он губит Талиг. Это судилище... Я однажды потеряла ребенка... Испугалась, пошла кровь... Мне казалось, ничего страшней быть не может, но когда рушится все, чем мы жили...

Робер, я хочу убить Альдо Ракана, а я ведь никого не хотела убивать... Никогда. Даже Сильвестра. Я не умела ненавидеть, только плакать, а теперь ненавижу!.. Не за себя. За всех, кого убили и убивают... Фердинанд был так счастлив, когда выпустил всех из Багерлее, а Ракан... Он хочет крови,

как... как Манрик с Колиньярами, но Манрик не король, и Ракан не король...

Не король, это очевидно, поэтому нужно что-то наконец сделать. К счастью, время теперь есть. Благодаря Левию и Катари.

– Спи, – велел Робер развоевавшейся горлинке, – позабудь обо всем и спи. Ты сделала, что могла, дальше не твоя забота.

– Извини, – она виновато улыбнулась, – я не должна была так говорить о... о твоём друге и сюзерене.

– Альдо мне больше не друг и даже не сюзерен, – глядя в эти глаза, нельзя врать, – но убить его я не дам, постараюсь не дать. Попробуй меня понять, ведь ты не оставила ни Фердинанда, ни Алву...

– Я понимаю, – тихо произнесла женщина, – я все понимаю... Да смилуется над тобой святая Октавия. Иди, твой генерал ждёт.

2

– Монсеньор! – Карваль с неудовольствием глянул на монаха, и тот незамедлительно покинул пропахшую шадди комнатку. – Я был вызван во дворец и получил приказ непосредственно от Альдо Ракана. Приказ весьма странный, чтобы не сказать иначе. Мне предписано прочесать юго-восточ-

ные предместья и окрестности. Там якобы видели два больших кэналлийских отряда, но мои разъезды ни о чем подобном не доносили.

– Кэналлийских? – переспросил Робер, отгоняя внезапно навалившийся сон. – Здесь? Бред!

– Полагаю, монсеньор, – предположил Никола, – мне предстоит гоняться за несуществующими доказательствами.

– Думаешь, ряженые? – Эпинэ потер виски, потом провел ладонями по бровям. – В таком случае неплохо поймать пару человек.

– Я постараюсь, – заверил маленький генерал. – Альдо Ракану полезно получить своего петуха в чужих перьях. Могу я узнать, как здоровье ее величества?

– У нее лихорадка. – Хотела Катари или нет, для Карваля она вчера стала королевой, и вряд ли только для Карваля. – Ей не следовало появляться в этом вертепе даже с людьми Левия.

– Ее величество настоящая Ариго. – Никола светился гордостью за родную провинцию. – Монсеньор, я отбываю. С вами остается граф Пуэн и пять сотен человек.

– Хватит и пары сотен, – не согласился Робер, – вряд ли сегодня что-нибудь случится.

– Не могу разделить вашу уверенность. – В голосе Карваля звучало неподдельное сожаление. – Вынесение приговора способно вызвать стихийное возмущение.

– Вынесение приговора? – пробормотал Робер, разминая

вдруг затекшие пальцы. – Но ведь суд отменили.

– Как же! – Лицо Карваля стало злым. – Простите, монсеньор, я думал, вы знаете. Из обвинения вычеркнули несколько строчек и перенесли заключительную речь прокурора и слово обвиняемого на утро, только и всего.

– Закатные твари! – Эпинэ вновь потер виски, унимая бешенство. – Они хотят его убить. Несмотря ни на что...

– Да, монсеньор, – подтвердил Никола, – и это не только отвратительно, но и глупо. Тем не менее я должен ловить кэналлийцев, а вам нужно ехать в Гальтарский дворец. Разрешите идти?

Робер взглянул в светлеющее окно. Утро молочников и булочников перерастало в утро чиновников и судебных. Заезжать домой и тем более ложиться спать смысла нет.

– Карваль, прошу вас задержаться еще на минуту. Вы отправляетесь за город ловить кэналлийцев, а уверены ли вы в том, что они не спрячутся возле Багерлее? Не бросят же они собрано на произвол судьбы. Вы не согласны?

Мир вокруг медленно наливался красным, Робер на мгновение прикрыл глаза, и все стало на свои места, только слова кончились, вернее, не кончились, а замерли, как испуганные кошки. Никола Карваль верен, но до какой степени? Хватит ли его на то, чтоб переступить через ненависть к Ворону?

– Монсеньор, – маленький генерал зачем-то вытащил кинжал, тронул лезвие и сунул обратно в ножны, – если у вас будет время проехать по городу, то, на мой взгляд, име-

ет смысл осмотреть окрестности Голубиной площади. Я был там прошлым вечером. Признаюсь, это место меня беспокоит.

– А что с ним такого? – Ему кажется или они думают об одном и том же?

– Вы помните заколоченный дом в Шляпном переулке? – сощурился маленький генерал. – Возле него растет старый клен. Если дерево упадет, оно перекроет дорогу. Улица узкая, карете не развернуться, а дворами можно проскочить до Капустной. Если кэналлийцы захотят отбить своего герцога, это место им понравится.

– Для начала нужно, чтобы узника из Багерлее повезли именно в Занху, а заговорщиков собралось не меньше трех десятков.

– Четырех, – поправил Карваль. – Три десятка во дворах и с десятком на крышах с мушкетами.

Сегодня Ворона осудят, а еще через пять дней убьют, то есть казнят. Если не вмешается кардинал, послы и судьба... Если они с Карвалем не свалят старый клен.

– Вы опасаетесь нападения? – Сердце подскочило и заколотилось, как в детстве на подходе к барьеру. – Или знаете о нем?

– Альдо Ракан отправляет нас ловить кэналлийцев. – Никола и не подумал опустить взгляд. – Если б я захотел освободить герцога Алва, то выбрал бы Шляпный. У кэналлийца много сторонников и становится все больше. Они не позво-

лят его убить.

Осталось всего ничего, сказать вместо «они» «мы» – и разговор готов. Конечно, можно и промолчать...

– Вы возьмете Шляпный на себя? – отдельно произнес Эпинэ, сжигая последний и без того плохонький мостик.

– Да, но будет лучше, если мои люди получают приказ о дополнительном патрулировании Старого города. Герцог Окделл весьма щепетилен, когда речь заходит о полномочиях.

– Вы хотите сказать, глуп? – Если предстоит драка, вранье лучше отбросить. – Дик слишком молод, и он рано потерял отца.

– Я своего отца не помню, – набычился коротышка, – но это ничего не меняет. Если я предаю, меня следует расстрелять, если не справлюсь с тем, что мне поручено, – разжаловаться.

– А вы можете предать? – Они говорят о Диконе или сговариваются о нападении?

– Нет, монсеньор, – лицо маленького генерала стало странно торжественным, – на мою верность вы можете рассчитывать. Я выполню любой ваш приказ. Почти любой.

– То есть? Что значит «почти»? Договаривайте.

– Я не оставлю вас, даже если вы прикажете, – отчеканил Карваль, – и не только я. Мы в вашем распоряжении, монсеньор. Пока речь не идет о вашей жизни.

– Моя жизнь недорого стоит.

– Мой герцог, – свел брови южанин, – мы сами решаем,

чему служить и за кого умирать. Если понадобится, мы это сделаем не хуже Алвы.

Спорить бесполезно. Никола не уступит, и Сэц-Ариж, и Дювье со своими теперь уже драгунами, и Форестье. Как там говорил Спрут – «мои люди слушают только меня»? Стали бы лиловые спасать своего герцога вопреки его приказу?

– По Гальтарским кодексам казнь назначат на утро пятого дня после оглашения приговора. Вам хватит времени?

– Должно. – Коротышка вновь был спокоен и деловит. – Лучше, чтоб это была Занха, но деревья растут и на других улицах.

Моро кэналлийцу пока не видать. Вернуть коня – все равно что расписаться в похищении, значит, нужно добыть мориска или хотя бы полукровку.

– Нужно подыскать подходящую лошадь.

– Лошадей, – поправил Карваль. – Я знаю, где купить полуморисков.

– Деньги возьмете у меня. – Он должен задать этот вопрос, не может не задать. – Вы понимаете, кого решились освободить?

– Разумеется, монсеньор, – подтвердил Никола. – Я освобождаю Талиг. Могу ли я вернуться к своим обязанностям?

– Отправляйтесь. – Эпинэ внезапно понял, что улыбается. – Желаю вам обнаружить побольше... кэналлийцев.

Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет,
Хлебнете вы неисчислимых бед,
Я вас предупреждаю, вам же хуже...
У вас ни памяти, ни чести нет,
Свинья душой, ступайте ж в вашу лужу...
Я вас предупреждаю – вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет.

Почему-то вспомнилось, что эта мерзость называется триолетом. Триолет был выведен каллиграфическим почерком на оборотной стороне выписок из кодекса Диомида, которыми снабдил Высоких Судей еще Кракл. Под виршами виднелась прозаическая приписка. Граф Медуза лаконично уведомлял герцога Окделла, что в случае вынесения герцогу Алва смертного приговора он, Суза-Муза, возьмет дело в свои руки, и горе тем, кто встанет у него на пути. Далее следовала подпись и печать со свиньей на блюде. Неведомый затейник продолжал свои шуточки на глазах у целой армии военных и судейских...

Дрожа от ярости, Дикон перечитал послание. Граф был верен себе, кусая именно тогда, когда про него забывали.

Подлец пролезал в самые невозможные щели, путая следы не хуже знаменитого лиса-призрака ². «*Я вас предупреждаю – вам же хуже...*» Безграничная наглость, но кто за ней стоит? Найденный было ответ после исчезновения Удо обернулся новыми вопросами. Тех, кто не мог быть Сузой-Музой, Дик знал наперечет, но не подозревать же всю столицу.

– Монсеньор. – Помощник экстерриора казался смущенным. – Монсеньор... Вам не попадалось в бумагах адресованного вам послания вызывающего содержания?

– Нет. – Дикон торопливо облокотился на злосчастный кодекс. – А что, кто-то получал?

– Господин гуэций, господин супрем, господин обвинитель, а также большинство Высоких Судий, – с готовностью перечислил чиновник. – Им были подброшены оскорбительные стихи с угрозами.

– Вот как? – Начав врать, нельзя останавливаться. – Что ж, писавший, кем бы он ни был, знает, что угрожать Окделлам бессмысленно.

– Письма подписал так называемый граф Медуза, – сообщил судейский. – Монсеньор, возможно, есть смысл просмотреть бумаги на вашем столе?

– Нет. – Показывать вирши не хотелось, а для расследования хватит и того, что нашли. – Мне ничего не подбрасыва-

² Изначально персонаж варитской мифологии, затем – герой множества сказок и легенд, рассказываемых на севере Золотых земель. Лис-призрак помогает воссоединиться разлученным влюбленным, в качестве платы за свои услуги обманом выторговывая первенца объединенной пары.

ли. Покажите мне то, что подкинули герцогу Придду.

– Конечно, монсеньор...

Любопытно, чем припугнули Спрута? Ричард протянул руку, в нее послушно лег плотный лист. Начало было до от-
вращения знакомым:

Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет,
Вам лучше не родиться бы на свет,
Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Достойней дать единственный ответ,
Чем спорить со свиньей неуклюжей...
Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет.

– Герцог Окделл читает чужие письма? – Валентин Придд собственной персоной стоял за спиной чиновника. – И почему это никого не удивляет?

– Поимка Сузы-Музы входит в обязанности гражданского коменданта Раканы, – отрезал Дикон, бросая злополучный листок на стол.

– В таком случае нашему таинственному другу ничего не грозит. – Длинные пальцы ухватили послание. словно щупальца. Придд пробежал глазами письмо и аккуратно сложил. – Граф настроен весьма решительно, впрочем, в том,

что касается меня, он прав. Я и впрямь злоупотреблял вашим вниманием.

– О нет! – Дику удалось выдавить из себя улыбку. – Что вы скажете насчет совместной прогулки после обеда?

– Если мы покончим с судейскими обязанностями, – уточнил Спрут, – в противном случае нас могут счесть дезертирами.

– Разумно, – согласился юноша и, чтобы не видеть Придда, уткнулся в обвинительный акт. Черные строчки доносили об убийствах, нападениях, злоупотреблениях, но вдуматься в написанное не получалось, может быть, потому что главного в бумагах не было и о нем не знали ни Фанч-Джаррик, ни гуэций, ни Спрут.

Можно спорить, был ли Ворон сообщником Сильвестра и кто убил Оноре. Можно простить Алву, как простила Катарри, это ничего не меняет. Объединение Золотых земель под скипетром Раканов в опасности, пока жив законный потомок Рамиро, и виновны в этом не Альдо и не Ворон, а недостойные собственной крови древние короли...

В конце прошлого круга, круга Молнии, из четырех Повелителей выжил лишь хозяин круга Шарль Эпинэ. Последним погиб Повелитель Скал, оставив грядущий круг малолетнему сыну. Все повторяется, но отчаянье сменила надежда. Смерть Повелителя Ветров в начале круга Ветра положит конец безвременью и смутам, а его сын не будет расплачиваться за преступления предков. Понимает ли это Алва?

Наверное, иначе бы не прекратил бороться.

Ворон сложил оружие не у эшафота Оллара, а здесь, в зале Гальтарского дворца, взглянув на того, кого всю жизнь спасал. И на того, с кем пытался сражаться.

«Король Талига не может лгать», и молчание... Ворон мог рассказать о многом, мог отомстить, облить позором, утянуть за собой десятки людей, а он смотрел в стену, иногда по привычке огрызаясь. Нет, Алва не спустил флаг, не сдался, он умрет, как жил, с гордо поднятой головой, но борьба для него потеряла смысл. Как страшно понять, что ты прожил жизнь, защищая предавшее тебя ничтожество, но отступить Ворону некуда. Только в Закат, и это будет конец вражды и войны. Конец Золотого Договора и начало новой Золотой Анаксии от Седого моря до Померанцевого.

Глава 3

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Ваше высокопреосвященство, господа судьи, господа послы, сейчас вы услышите то, что не успели услышать вчера из-за внезапной болезни госпожи Оллар. Поскольку нынешнее заседание является продолжением вчерашнего, Высокий Суд не просит вас встать. Господин Фанч-Джаррик, вы продолжаете утверждать, что обвиняемый виновен?

– Да, господин гуэций, – церемонно кивнул Фанч-Джаррик.

– Высокий Суд слушает. – Кортней излучал уверенность, все-таки не зря он стал супремом, вчерашние откровения скатились с него как с гуся вода.

Обвинитель утвердился на кафедре и развернул длинный свиток, заменивший разрозненные листы. Наверное, так было нужно.

– *Ваше высокопреосвященство* , – прочитала ученая горошина, монаршей милостью выкатившаяся в дыни, – *Высокий Суд, господа послы, обвинение считает доказанным, что присутствующий здесь Рокэ Алва виновен в преступлениях двоякого рода. Первые могут быть отнесены к тем, за что подлежали смертной казни уже в Гальтарские времена, про другие кодекс Эрнани и кодекс Доминика в его первоизданном виде молчат, но не потому, что наши предки были склонны прощать подобные деяния! Они были слишком чисты сердцем, чтобы допустить самую возможность подобного. Лишь в последних дополнениях к кодексу Доминика, в кодексе Лорио Кроткого и протоколах Клеменция Шестого, появились описания преступлений, подобных тем, что совершал обвиняемый, что и было доказано в ходе процесса. Сейчас же я ограничусь кратким перечнем преступных деяний Рокэ Алвы, отдав приоритет первой категории...*

В Фанч-Джаррике, без сомнения, погиб ликтор, но вранье не становится правдой, сколько раз его ни запиши. Вчера суд начал походить на суд, сегодня он вновь стал мистерией. Обвинитель, не краснея, зачитывал опровергнутую свидетелями дурь, остальные слушали, как обвиняемый «возглавил до сих пор не раскрытый до конца заговор, одним из участников которого является Чарльз Давенпорт. Подсудимый и Давенпорт замыслили и осуществили нападение на кортеж его величества Альдо Первого, на собравшихся в Тарнике офицеров, вставших на сторону законного короля, а

также на Первого маршала Талигойи герцога Эпинэ и маршала Симона Килеан-ур-Ломбаха»...

Эпинэ перевел взгляд на Ворона, тот сидел, слегка запрокинув голову и прикрыв глаза, длинные пальцы бездумно перебирали цепь. В Сагранне он точно так же молча играл сапфирами, а за стеной завывали местные волынки и плясали счастливые бакраны. Плясал ли кто-нибудь в Олларии в честь победы Ракана?

– ...неоспоримые доказательства сговора герцога Алва с Чарльзом Давенпортом, — бубнил Фанч-Джаррик, — каковой Давенпорт, будучи оставлен в столице и переведен в Личную охрану Фердинанда Оллара, действовал в соответствии с отданными подсудимым распоряжениями. Следуя оным распоряжениям, Чарльз Давенпорт хладнокровно застрелил маршала Генри Рокслея и бежал, чтобы присоединиться к отряду кэналлийцев, во главе которого ворвался в Тарнику и зверски умертвил шестнадцать преданных его величеству офицеров, не ожидавших подобного вероломства. ...

Альдо читал этот бред, не мог не читать, и оставил, как есть. Даже после показаний Пьетро и криков Фердинанда. Сюзерен решил идти до конца, значит, осталось пять дней, за которые нужно добыть кэналлийское платье, сменить лошадей, позаботиться о караулах вдоль дорог...

– Сторонники Давенпорта действуют и сейчас. Даже лишившись своего предводителя, они продолжают преследовать друзей и соратников его величества. Не далее как

шестнадцать дней назад их руки обагрила кровь герцога Эпинэ, и только сверхъестественное мужество Повелителя Молний и его мастерство бойца сохранили герцогу жизнь. Не может быть сомнений в том, что эти смерти на совете подсудимого, отдавшего Давенпорту приказ истреблять верных престолу людей и сеять ужас на дорогах, дабы лишить жителей Раканы подвоза продовольствия. ..

Главное, вытащить Ворона из столицы и замести следы. Альдо вовремя выдумал кэналлийцев и страшного Давенпорта. Тот, кто перебил в Тарнике верных Раканам офицеров, освободит и Алву. Не верить во второе – значит назвать ложью и первое. Жаль, Люра не узнает, как его вранье спасло жизнь его же палачу.

– ...Жажда убийства, которой одержим подсудимый, неоднократно толкала его на немислимую жестокость, – строго объявил Джаррик. – Первым преступлением, совершенным герцогом Алва, преступлением, с которого началась его черная дорога, стало убийство его непосредственного воинского начальника генерала Карлиона. Завершила же кровавую дорогу резня, случившаяся в восьмой день Осенних Волн минувшего года, когда Рокэ Алва собственноручно убил находящегося при исполнении своих обязанностей маршала Талигойи Симона Люра графа Килеан-ур-Ломбаха, а с ним пятерых офицеров и одиннадцать солдат его величества Альдо Первого, исполнявших свой долг.

А может, не рядиться в чужие перья и поднять честный

мятеж? Отбить Алву и угробить Дикона с кучей горожан в придачу? Жители столицы в стороне не останутся, а когда обыватели прут на солдат, города захлебываются кровью. Толпу не уймет даже Ворон, толпа не разбирает, толпа не боится, толпа не милует, она понимает только силу. Вырвавшуюся ярость можно затоптать лошадьми, вымести картечью, загнать в горящие дома, но лучше до этого не доводить.

– В начале минувшего года подсудимый вступил в преступный сговор с ныне покойным Квентином Дораком, незаконно и богохульственно присвоившим себе титул кардинала Талигойского. Начавшаяся с детоубийства так называемая Октавианская ночь унесла множество жизней. Святой Оноре умолял герцога Алва остановить резню, но ответом ему был смех. Алва бездействовал, пока гибли невинные, когда же план Дорака был выполнен, обвиняемый своими руками уничтожил главного свидетеля – лжеепископа Авнира, оборвав тем самым нити, ведущие к Дораку.

Обвинитель перевел дух, на тугой младенческой щеке плясал солнечный зайчик, день вообще выдался ясный, не то что вчера. В день несостоявшейся казни и в день коронации тоже было солнечно. Солнце видело, как рвали на куски Вешателя, и от отвращения позеленело. Других тоже разорвут, и виновных, и невинных...

– Несомненна вина подсудимого и в событиях, недавно потрясших Ракану. По приказу Алвы недобросовестные негодяи продали короне гнилой лес, что стало причи-

ной трагедии в Доре, однако последствия могли быть еще страшнее, потому что гнилые доски предназначались для строительства нового моста через Данар, укрепления осыпавшихся берегов и ремонта храма Святого Доминика. ..

Дора – это тоже Ворон?! Додумались, хотя надо же чем-то заткнуть пробитые Левием и Катари дыры. Сестра и кардинал сделали все, чтобы предотвратить убийство. Не удалось. Значит, придется убивать гимнетов и цивильников. Значит, будут казнить заложников... А что, если пустить в дело Джереми? Переодеть в кэналлийца и пристрелить на месте драки? Замечательная мысль! До такого только после бессонной ночи и додумаешься. Джереми Бич – доверенный слуга Ричарда Окделла, присягнувшего Алве. Свалить нападение на Джереми все равно что донести на Дика. Что ж, будем играть в Хуана, или как там его зовут, и скажем спасибо господам судьям за Фердинанда. После вчерашнего об Олларе можно забыть. И ему ничто не угрожает, и сам он такой никому не нужен. Алва свободен от своего короля, такое предательство убьет любую верность...

– Наши предки не могли предположить, что власть законных королей падет и меч Раканов окажется в чужих руках, — Фанч-Джаррик смотрел уже в конец свитка, — тем не менее герцог Алва не желает возвращать меч законному владельцу, не только присвоив чужую собственность, но и оскорбляя чувства всех подданных его величества, для которых меч Раканов является величайшей ценностью.

Солнечный луч скользнул по лицу подсудимого, Рокэ глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и снова закрыл. Эпинэ охотно бы последовал его примеру, но проявлять неуважение к Высокому Суду может первый маршал Талига, но не Талигойи.

– ...подводя итог, обвинение полагает доказанной вину герцога Алва в намеренном, неоднократном публичном оскорблении дома Раканов и его величества лично, множественных убийствах талигойских подданных, в том числе офицеров и солдат, исполнявших свой долг, подстрекательстве к убийствам, неповиновении короне и иных преступлениях, а также в злоупотреблении властью, присвоении чужого имущества и преступном бездействии.

Фанч-Джаррик иссяк, и стало чудовищно тихо, только танцующее на витражах солнце, смеясь, забрасывало почуввавших кровь людей разноцветными лепестками: синими, красными, лиловыми, желтыми.

– Высокий Суд выслушал обвинение, – слова гуэция были круглыми и тяжелыми, как булыжники, – Высокий Суд готов выслушать обвиняемого.

2

– Высокий Суд готов выслушать обвиняемого. – Жезлы судебных приставов согласно ударили об пол, и все смолкло. Не будь утреннего сговора с Никола, Робер бы не выдер-

жал этой тишины. Даже теперь она казалась жуткой, словно сквозь переполненный зал прошел кто-то невидимый и безжалостный. Первым не выдержал Кортней.

– Герцог Алва, – голос гуэция сорвался на крик, – вы будете говорить?

– Простите, – Ворон очень медленно открыл глаза, – задумался... Вы не находите, что сегодня отменная погода?

– Герцог Алва, – половина лица супрема была лиловой, половина – золотистой, – вы находитесь перед судом, и вам предоставлено последнее слово. Разговоры о погоде неуместны.

– Да, действительно, – согласился Ворон, – в погоде меня, кажется, не обвиняли. Господин Джаррик, вас не затруднит передать мне ваши записки, а то я боюсь что-то пропустить...

– Это против правил, – отрезал обвинитель. – Впрочем, если на то будет воля Высокого Суда, я готов предоставить обвиняемому копию.

Кортней глянул на Алву. Тот пожал плечами и прикрыл ладонями глаза. Встать нужным он не счел, и ему никто не напомнил.

– Предоставьте. – Гуэций кивнул прокурору и торопливо ткнулся в бумаги. Он не знал, что в Шляпном переулке смотрит свой последний зимний сон старый клен.

– Обвинение исполнит волю Высокого Суда. – Фанч-Джаррик с недовольной миной протянул судебному приста-

ву желтоватый лист. Пристав торопливо, словно боясь обжечься, сунул акт Ворону.

– Благодарю... – Кэналлиец рассеянно принял бумагу. – Так... государственная измена... Это не ко мне, а к господину в перевязи и десятку мерзавцев, которых я прикончил... если не ошибаюсь, в восьмой день Осенних Волн уже прошлого года. Теперь предъявить обвинения покойным могут разве что закатные кошки, предоставим это им... Дальше у вас... Ага... множественные убийства. Тут, как говорится, на войне как на войне... Врагов моего короля и моего королевства я убивал и убивать буду, иначе какой же я Первый маршал Талига.

Властью я не злоупотреблял. Я ее употреблял по назначению. Уничтожал врагов Талига и тех, кто по глупости или трусости играл им на руку, а вот бездействие... Чего не было, того не было. Это покойный Карлион бездействовал, в связи с чем мне и пришлось злоупотребить пистолетом по причине отсутствия власти.

Неповиновение короне? Смотря какой. Приказы моего короля я исполнял неукоснительно, что до корон дриксенской и гайифской, то увы... Их приказы исполняли те, кого я убивал по долгу службы и велению сердца.

Оскорбление величества и дома Раканов... Налицо явная путаница. В доме Раканов, как и везде, попадались всякие. Кто-то являлся оскорблением для своего рода, кто-то – наоборот. Я им не судья, но при чем здесь отсутствующий мо-

лодой человек в белых штанах? Он не станет королем Талига, даже сняв оные согласно гальтарскому обычаю. Впрочем, если ему приятно считать себя оскорбленным, я никоим образом не возражаю.

Что там у вас еще? Ах да... Чарльз Давенпорт, подрядчики и меч... Судя по всему, речь идет о тенъенте, которому я устроил выволочку на предмет исполнения приказа первого из убиенных мной Килеан-ур-Ломбахов... Вот где, кстати говоря, имело место преступное бездействие. Судя по всему, урок пошел молодому человеку впрок. Надеюсь, господин Давенпорт продвинется по службе дальше своего отца. Тот – хороший генерал, но маршалом станет вряд ли.

Подрядчики с гнилыми досками? Могу посоветовать повесить тех, кто эти доски покупал, это обычно помогает... И что у нас осталось? Поразивший воображение моего бывшего оруженосца меч?

Будь он в той же степени дорог королеве Бланш, она бы утащила его с собой вместе с драгоценностями, среди которых затесались и фамильные камни Людей Чести, пожертвованные на защиту тогда еще Кабитэлы... Королева решила, что камни важней дурно откованной железки, и я ее понимаю. Как бы то ни было, меч достался Олларам, и они имеют на него не меньше прав, чем предки Готфрида на марагонские изумруды, которые они, в смысле предки, выковыряли из чужой короны и вставили в свою. Господа, я удовлетворил ваше любопытство?

Господа смотрели на бледного черноволосого человека, как на выходца. Первым очнулся супрем.

– Это все?! – Вороном называли Алву, но каркнул именно Кортней. – Все, что вы можете сказать в своем последнем слове?

– В последнем? – поднял бровь Алва. – Последнее слово я скажу не сейчас и не вам. Можете удаляться и совещаться, мне вам сказать нечего, вам мне – тем более!

Глава 4

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Эории Кэртианы, – голос Альдо звучал резко и звонко, словно перед боем, – сегодня мы впервые собрались в Зале Зверя, зале Малого Совета. Сюда могут входить лишь главы Великих Домов, их кровные вассалы и гимнет-капитаны. Мы желали бы, чтобы призвавшее нас дело было иным, но долг следует исполнить, как бы тяжел он ни был. Нам предстоит решить судьбу Повелителя Ветра, обвиненного во множестве преступлений. Будь этот человек крестьянином, ремесленником, ординаром, его участь определил бы обычный суд, но речь идет о главе Великого Дома. Древний закон гласит – равного судят равные. Пусть гимнеты выйдут и закроют двери. Мы не покинем Зала Зверя, пока не примем решения. Да будет так! Орстон!

– Так и будет! – откликнулся Мевен, замирая у порога.

– Мэратон! – Одри Лаптон встал за креслом государя, очередной раз напомнив, что отравитель еще не пойман.

Пальцы сюзерена легли на эфес шпаги. На ее месте должен быть меч, тот самый, что Дикон держал в руках после покушения на Ворона.

– Хозяин Круга, Повелитель Скал, – знакомые слова в Зале Зверя обретали новый смысл, – готов ли твой Дом сказать свое Слово?

Дикон поправил цепь Найери, просто для того, чтобы коснуться прохладных опалов. «Умереть за государя просто, – учил Лорио Отважный, – сложнее удержать над головой повелителя видимую лишь тебе скалу». И что с того, что скалу по имени исповедь Эрнани видит не только Ричард, но и сам Альдо? Это ничего не меняет. Так вышло, что шкатулку с заветами открыл Повелитель Скал, став поверенным позора Раканов и Приддов, но на Изломе случайностей нет. Исповедь труса скрепила дружбу сюзерена и вассала. Это больше чем верность, даже больше чем Честь. Это таинство, доступное лишь двоим, и есть Сердце Зверя, и нет в мире ничего выше и крепче!

– Дом Скал готов. – Как странно звенит голос, словно в пещере! – Дом Скал ответит.

– Здесь ли твои кровные вассалы?

– Трое моих братьев здесь, а Джон-Люк Тристрам в пути.

– За него скажет Повелитель, и будет так, как он скажет!

– Повиновение государю.

– Мы слушаем волю Скал. Виновен ли Повелитель Ветров перед своими братьями и своим государем?

– Я спрошу своих братьев, – выдохнул Дик. Зимнее солнце ударило в глаза, отчаянно застучала в висках враз погорячевшая кровь, а губы стали сухими и непослушными. Трое кровных вассалов смотрели на своего Повелителя, они были готовы отвечать, но первым говорит младший. Даже не младший, а тот, чьи заслуги меньше. Берхаймы отсиделись в Агарисе и вернулись к чужой победе, они не воины, они придворные...

– Мариус, граф Берхайм, я, Повелитель Скал, спрашиваю тебя, виновен ли герцог Алва? Подумай и скажи.

– Мой государь, мой герцог! – Мариус думал недолго. – Рокэ Алва виновен и должен понести наказание. На его руках кровь наших братьев, а в сердце нет ни раскаяния, ни смирения.

– Я понял тебя. – Берхайм ошибается, Алва сложил оружие, только это мало кто заметил. – Ангерран, граф Карлион. Скалы ждут твоего слова.

Матушка обидится, если узнает, а узнает она непременно. Первое, что сделает Ангерран, выйдя отсюда, напишет в Надор, нажалуется, что его назвали вторым, а не третьим... Ничего, обойдется. Заслуги Карлионов и заслуги Рокслеев несопоставимы.

– Ваше величество. – Родич преклонил колено перед сюзереном, он до сих пор не понял, чем отличаются Раканы от

Олларов. – Я, граф Карлион, полагаю Рокэ Алву виновным и заслуживающим смертной казни.

– Эорий, – Альдо недовольно сжал губы, – поднимись. Твоего слова ждет глава Дома. Отвечай ему.

Смотреть на выступившую на лбу дядюшки испарину было противно, и Дикон поднял глаза к потолку, где люди в ярких одеждах благоговейно вглядывались в пронизанные невидимым солнцем облака. На мгновение Дикону показалось, что он видит среди них соразмерное, покрытое чешуей тело...

К Весеннему Излому потолок Зала украсит плафон со Зверем, но станет ли лучше? Временно взятый из дворцовой церкви плафон создавал ощущение ожидания. Смогут ли художники воплотить в красках само чудо, не ожидаемое, а явившееся во плоти?

– Мой герцог, – скрипучий голос выхватил юношу из солнечного гальтарского сна, – Алва виновен. Виновен во всем... На эшафот изменника и убийцу!

– Граф Карлион, – свел брови Альдо, – как умрет Рокэ Алва, решаем мы и закон. Эории оценивают справедливость обвинений, но не выбирают наказание. Герцог Окделл, продолжайте.

– Граф Рокслей, – послушно окликнул Дикон. – Скалы ждут твоего слова.

– Герцог Алва виноват. – Дэвид не стал считать до шестнадцати, он приговорил Ворона много раньше. Ричард обна-

жил шпагу.

– Джон Люк Тристрам далеко, но я не усомнюсь в его ответе. Герцог Алва виновен.

Сюзерен торжественно наклонил голову.

– Мы выслушали вассалов Скал. – Как давно не звучали эти слова, как давно Кэртиана не слышала своего повелителя! – Слово главе Дома! Ричард, сын Эгмонта, мы ждем. Во имя Зверя!

Это не будет легким, но клятва и честь обязывают служить сюзерену не только мечом, но и словом, а это неизмеримо труднее... Альдо ничем не выдал своих чувств, но Ричард знал, что он думает о том же.

– Мой государь, герцог Алва виновен. – Каменный поток сорвался с вершины, понесся вниз, вбирая в себя малые камни и целые скалы, набирая скорость, захлебываясь древней, изначальной мощью. Бег превратился в прыжок, прыжок – в полет...

– Ты сказал, мы слышали, – откликнулись Скалы, Зверь, глядящая в сердце Вечность.

– Мы слышали, – повторил Альдо Ракан, – Дом Скал сказал свое слово, и оно было единым. Дом Ветра не имеет кровных вассалов, а глава его не вправе говорить о себе. Дом Ветра молчит. Повелитель Волн, готов ли твой Дом сказать Слово?

Зачем все это?! Неужели нельзя обойтись без гальтарских мистерий?! Решил убить, убивай, только скорее!

– Повелитель Волн, готов ли твой Дом сказать Слово?

– Дом Волн готов. – Физиономия Придда не выражала ничего, вот уж воистину темна вода во глубинах.

– Здесь ли твои кровные вассалы? – Сюзерен знал древний ритуал назубок. Тяжелые, нелепые фразы вымораживали все вокруг, оставляя лишь ледяное, зимнее сиянье.

– Моих братьев здесь нет, – отчетливо произнес Спрут. А ведь у него на самом деле остались братья. Где-то во Внутренней Придде.

– Ты скажешь за них. Мэратон!

– Орстон!

Айнсмеллера отдали толпе, Алву кормят старым врагам и древней придури, а суть одна. Отдать на смерть и посмотреть, что получится... Молодой человек в белом... На белом кровь видней всего, это красное прячет красное. До поры до времени.

– Я готов держать ответ перед моим государем и моей Честью. – По части старых ритуалов Придд мог дать фору кому угодно. Будущий великий анакс еще прыгал по разумным вдовам, а Спрут уже читал своего проклятущего Павсания. Зачем? Покойный папенька заставлял?

– Мы слушаем волю Волн. – Неужели эти слова когда-то были живыми, неужели у Волн, Скал, Молний была своя воля? – Виновен ли Повелитель Ветров перед своими братьями и своим государем?

Придд положил руку на украшенный аметистами эфес. Закатные твари, он снова притащился не со шпагой, а с мечом.

– Во имя Чести, – спокойно сообщил Спрут, – мой брат Вольфганг фок Варзов давал ту же клятву, что и герцог Алва. Я не видел графа фок Варзов около двух лет, но у меня нет сомнений в его решении. Я отвечаю за своего вассала «невиновен».

– Разрубленный Змей. – Дурацкая присказка сама слетела с языка, но ее вряд ли кто-то расслышал. Альдо замер, вцепившись в резные подлокотники, зато Дикон вскочил с места, хорошо хоть шпагу не выхватил. Мевен непонятным образом тут же оказался за спиной Повелителя Скал, Лаптон рванулся к Спруту, а Карлион с Берхаймом вжались в спинки своих кресел. Только Дэвид Рокслей ничего не заметил и только Придд не пошевелился...

– Вольфганг фок Варзов – изменник, – Альдо все же удалось ухватить себя за шиворот, – он лишен нами права отвечать.

– Лишенный голоса молчит, – подтвердил Спрут, – но голос его принадлежит ему и только ему. Павсаний пишет, что отданный голос в одной цене с Честью. Не исполнить волю

отсутствующего – убить свою Честь. Воля маршала Талига Вольфганга фок Варзов несомненна. Его не называли молчаливым, и его не освободили от данных им клятв, и я отвечаю «невиновен».

Савиньяка тоже не освободили. И Дорака с Ариго! Трое вассалов Молний и фок Варзов... Четверо из двенадцати! Треть, а не половина...

– Слово фок Варзов услышано. – Альдо тоже знает сложение, он считал и сосчитал. – Вечером мы подпишем эдикт, разрешающий всех эориев от ложных клятв и примем их службу, где бы они ни находились. Клятвы, данные узурпаторам, больше не смогут служить оправданием.

Вряд ли Лионелю или Ноймаринену понадобится оправдание, чтобы повторить подвиги Рамиро-Вешателя, а Эпинэ уже ничего не поможет, но какая же здесь холодина... От ненависти или от нерадивости?

– Ричард, сядь, – велел Альдо, но Дикон остался стоять. Ненависть липла к молодому лицу серой маской.

– Окделл, очнись! – рявкнул Альдо. – Напоминаю об эдикте. Никаких дуэлей! Ты меня слышишь, никаких! Повелитель Волн, твой вассал граф Гонт неизвестен, готов ли ты ответить за него, как за себя?

– Готов, – в светлых глазах что-то блеснуло, словно клинком поймали солнце, – во имя Чести и Государя! Я не знаю, кто из ныне живущих потомков Рутгерта Гонта имеет право на титул, и отвечаю за своего вассала так же, как за самого

3

«Герцог Алва невиновен...» Скалы казнят, Волны оправдывают, а решать Молниям. Три голоса Придда и четыре Эпинэ. Вместе семь! Опять вместе, как в Доре... Пять голосов Окделла и голос Эпинэ против трех голосов Молний и трех Волн. Шесть на шесть... Или девять против трех, если подличать и ждать ответа от Савиньяка. Чего он только ни передумал, но то, что Ворона можно оправдать, в голову не приходило.

– Герцог Придд, – взгляд Альдо не сулил ничего хорошего, но с тем же успехом можно вывернуться на мраморного истукана, – объяснитесь! Что значит невиновен?

– Герцог Алва невиновен в том, в чем его обвиняют. – Закатные твари, и этот кусок льда ровесник Дикона?! – Алву допустимо убить без объяснений, как опасного врага, чье существование угрожает Великой Талигойе, но его нельзя осудить. Это незаконно.

– Странно слышать это из ваших уст, – очнулся Карлион, – из уст человека, чью семью уничтожили прихвостни Олларов.

– Не вижу ничего странного. – А лед, оказывается, может гореть. – Нас убивали не потому, что мы виновны, а потому,

что Колиньяры и Манрики делили север и юг! Это они, решив от нас избавиться, утопили убийства в законе. Я не желаю превращаться в Манрика, я предпочитаю шпагу.

Если Придда возьмут, станет ли он защищаться? К чему он готов?

– Вина Алвы доказана. – Парой месяцев раньше Валентин лежал бы у камина с разбитой головой, но сюзерен учится, учится стремительно. – Часть обвинений отпала, зато другая не вызывает сомнений. Вы слышали обвинение, этого достаточно для сотни приговоров.

– Отнюдь нет. – Спрут выдержал бешеный взгляд и бровью не повел. – Алва присягал Оллару. Все, что он делал и делает, направлено на исполнение присяги. Мне не кажется правильным судить эория за верность, кем бы его сюзерен ни был, особенно накануне большой войны. Любой из нас может оказаться перед тем же выбором, что и Алва. Жизнь сюзерена или собственные жизнь и свобода... Повелитель Ветров выбрал Честь. Это достойно уважения, а не осуждения.

Валентин воистину был сыном супрема, хоть и покойного. Что сделает Альдо? Пошлет к кошкам гальтарские кодексы и отправит Ворона на плаху или отыграет назад? Будь Малый Совет большим, кто знает, но буря в тазу не буря. Выходит, присоединиться к Скалам? Ну и кто после этого будет спрутом?

– Герцог Алва смел, – Альдо все еще удерживал вожжи, – я бы даже сказал, слишком. Он не похож на слабоумного,

значит, у его наглости есть объяснение.

– В древности подобные поступки объясняли благородством. – Лед погас, Валентин вновь был спокоен. – Я знаю, что герцог Окделл придерживается иных взглядов. Его право и его выбор. Кстати говоря, не первый.

– Я не позволю оскорблять себя на глазах Альдо! – Упавшее кресло, обнаженный клинок, и голодное солнце на потолке... – На глазах его величества... Не позволю!

– Я охотно оскорблю вас в любом удобном для вас месте. – Белые от бешенства глаза Дика и любезная улыбка в ответ. Воистину в Старом парке Дикон уцелел чудом. – Но наше непонимание никоим образом не отменяет нашего долга. Я подтверждаю свои слова. Герцог Алва обвинен несправедливо. Он должен быть оправдан, а недобросовестных чиновников, готовивших процесс, следует устранить от должности и лишить содержания.

– Хватит! – От голоса Эмирани Ракана падали кони, Альдо почти догнал легендарного предка. – Если вы скрестите шпаги, окажетесь в Занхе раньше кэналлийца. Я сказал, вы слышали. Герцог Окделл, ты слышал слово Волн. Ты отказываешься от своего решения?

– Нет, государь!

– Герцог Эпинэ, что скажешь ты?

А что он может сказать? Только одно!

– Граф Савиньяк, граф Дорак, граф Ариго не могут осудить Алву. Я отвечаю за них: «невиновен»!

Вот оно! Пять смертей, шесть жизней и ты между... Ты выбираешь, но решит все равно другой, а он хочет смерти, так зачем закон? Скажи «виновен» и свали старый клен... Так проще, так умнее, так безопасней для всех!

– Вассалы Молнии служат не Талигойе, а Талигу, не Чести, а бесчестию. – Какие у Альдо злые глаза, совсем как у твари с герба... Золото, а под ним – пятна, темные, мокрые, жуткие. Сколько ни замазывай плесень, она проступит, сколько ни лги, проговоришься...

– Повелитель Молний, мы ждем.

Еще можно уйти, спрятаться в вырытую Приддом нору. Вассалы присягнули Олларам, Повелитель – Ракану, каждый верен своему сюзерену. Еще можно сравнять голоса, и пусть начинают сначала. Еще можно...

– Герцог Эпинэ, отвечайте!

– Я согласен с Повелителем Волн. Герцог Алва невиновен.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

400 К.С. 19-й день Зимних Скал

1

Если бы не потерявшая сознание у кафедры Катари, Робер не сказал бы «нет», а Катари хотела только одного. Справедливости. Королева не знала, чем грозит Талигойе ее поступок. Благородных людей может убедить только правда, но сюзерен доверяет лишь Окделлу, и Окделл будет молчать. А потом, все уже случилось. Даже узнай Катари и Иноходец об отречении, что они смогут? Алва оправдан. Оправдан судом эориев, решение которого не отменить!

Альдо ничего не сказал. Ни единого слова, только поднялся и вышел, толкнув сапогом замешкавшуюся дверь. Дикон бросился следом, и не потому, что был Хозяином Круга, просто из-за Спрута все летело в Закат, и нельзя было схватить за руки, объяснить, потребовать...

– Дорогу Государю! Дорогу Повелителям...

Гимнеты раздвигали алебарды, хлопали створки дверей, кланялись кавалеры, приседали в реверансах дамы, но Альдо не отвечал, все убыстряя и убыстряя шаг. Дикон едва поспевал за сюзереном, ощущая терзавшие того ярость и сомнения. Этикет запрещал пойти рядом, взглянуть в лицо, заговорить, спросить, утешить. Юноша мог только мчаться сквозь развороченный дворец, глядя в белую напряженную спину, перечеркнутую золотой перевязью... Золотой, не алой, а память будоражила ночными кошмарами, в которых мертвый Люра бросался в погоню за Алвой и Приддом. Сон оказался пророческим. По милости Спрута обвинение развалилось на куски, как развалилось тело несчастного маршала...

– Государь, лошади у крыльца, эскорт ждет приказаний.

– Хорошо!

Они куда-то едут... Куда? Сюзерен что-то бросил Мевену, но Дикон не расслышал. Не сбиться с шага становилось все труднее. Сменился караул, и анфиладу второго этажа, ту самую, по которой Ворон вел оруженосца в день рождения Катари, охраняли полуденные гимнеты. Лиловые туники напоминали о предательстве Эктора, отречении Эрнани, роковой выходке Валентина.

Какой бы тварью ни был Придд, он понимает, что без Раканов ему конец. Каким бы болваном ни был Иноходец, он сообразит, что будет, если исповедь Эрнани огласят при живом Алве, но Роберу заморочил голову Придд, а Придду за-

стили глаза Манрики, и, что самое мерзкое, не зная Дик всей правды, он бы тоже отдал должное верности. Честь эория требовала сказать «невиновен», долг Повелителя Скал и друга государя – обвинить. Святому Алану было проще. Намного...

Справа мелькнул Круглый зал, и Ричард сообразил: они идут к бывшему Арсенальному крыльцу. Эскорт ждет, сюзерен куда-то собрался. В Гальтарский дворец?! Неужели он станет смотреть, как с Ворона снимут цепи? Станет, потому что прятаться и отступать – не для Альдо Ракана, но что потом? Чем обернется для Талигойи этот день?

Сзади неотвязным эхом катились чужие шаги, но Дик не оглядывался. Он и так знал, что за спиной – Придд, раз в жизни поступивший по чести и стронувший лавину. Сделал бы Спрут то, что сделал, не появившись в суде Катари? Теперь королева узнает, что Эпинэ и Придд на ее стороне, а Окделл верен Раканам. Как же тяжело будет с ней объясняться, а Робер, узнав, что его держали в неведении, оскорбится. Столько лет оставаться лучшим другом и уйти в тень, уступив младшему. Это счастье, что Эпинэ не честолюбивы, но всему есть предел.

Ноги тонули в прижатых медными прутьями коврах, на незнакомых шпалерах парили в небесах, качались на зеленой воде, сплетали шеи, распускали хвосты и гребни невиданные птицы. Раньше здесь висели трофейные знамена – гайифские, дриксенские, гаунаусские, каданские... И будут ви-

сеть! Альдо не нужна чужая добыча, он вернет величие предков собственными руками. Будут войны, будут и трофеи, а пока гайифские летуны могут резвиться в своих тростниках.

Потянуло холодом – гимнеты распахнули дверь, ведущую на крыльцо, камердинеры с господскими плащами замерли у стен вперемишку со статуями. Сюзерен остановился у ног занесшего меч воина с молнией на щите.

– Мы едем в Гальтарский дворец. – Если бы не блеск глаз и золото на плечах, Альдо был бы неотличим от мраморных гальтарцев. – Мы надеялись обойтись без этого, но чрезмерная щепетильность наших вассалов обязала нас пустить в ход королевское право. То самое, что сделало Эктора Придда регентом Талигойи. Герцог Алва девятью голосами против семи признан виновным и умрет, как и подобает эорию из Дома Ветра, на пятый день, считая от этого.

Мы можем простить своих врагов, но не врагов Великой Талигойи. Мы не можем уподобляться чиновникам и ценить бумажные увертки выше истины, а истина в том, что Рокэ Алва – преступник, на совести которого тысячи убитых. По коням, господа, не сто́ит заставлять правосудие ждать.

2

При появлении эориев Великой Талигойи Алва не встал,

а поднимать обвиняемого силой гуэций не рискнул. Кракл с Феншо не постеснялись бы, но супрем есть супрем: стерпит любое вранье, любую подлость, но не драку в зале суда. Драка – дело солдафонское и лакейское, юристы такого не одобряют, юристы убивают за беседой у камина, промокая губы надушенными платочками. Или зачитывая приговоры.

– ...*Рокэ герцог Алва обвинен согласно законам прошлым и настоящим.* – Сверху усов и бородки не видать, сверху Кортней в венке кажется женщиной. Холтийкой, как заметил бы Капуль-Гизайль, которому пора нанести визит. Сегодня же! Пять дней – это только кажется, что много, а гимнеты и люди Нокса не так плохи, как хочется думать Карвалю, и не так глупы... Кэналлийцы кэналлийцами, нужен и второй след. На всякий случай. Нужны «висельники»...

– *Высокий Суд внимательно рассмотрел представленные улики ...* – А гуэций частит. Еще бы! Одно дело – быть одним из многих и совсем другое – дать убийству свое имя.

– ...*пришли к заключению, что они являются достоверными и служат неопровержимыми доказательствами...*

Да уж, неопровержимыми... И стоило перешибать плетью обух и бодаться со стенами? Решил обойтись без драки? Как бы не так! Это Валентин может думать, что для сюзерена не все средства хороши. Придд не знает ни про гоганов, ни про Тарнику, ни про Удо, но ты-то?! Если приспичило переть на рожон, свалил бы оправдание на отсутствующих вассалов, а сам согласился с Рокслеем... Стало бы шесть к шести, Альдо

так и так пришлось бы вмешаться, но он записал бы маршала в верные дураки и успокоился...

– ...очевидность вины герцога Алва пред государем и Создателем не вызывает сомнений ...

Джеремии придется прикончить, из мерзавца выйдет чудесный кэналлиец. Пусть думают, что люди Люра взялись за старое. Труп Бича отвлечет от Карваля, а Дику это не повредит. Дик единственный, кто остался по одну сторону реки с сюзереном, не считая всякой швали и Рокслея, но Дэвид после Доры не живет.

– ...несмотря на злонамеренное упорство обвиняемого, ему не было отказано в его праве. Судьбу герцога Алва решили те, кто равен ему по рождению, но не запятнал себя преступлениями против короля и Создателя. И да будет по слову их!

Торопливый бархатистый голос смолк, и к холоду прибавилась тишина. Послы, судейские, гости смотрели на обвиняемого, обвиняемый смотрел в окно, а у Робера в голове Багерлее мешалась с Сагранной. Ледяная горная синева разрывала раскаленную сухую тьму и меркла, оставляя на губах привкус соли.

– Именем Создателя и во имя Его, – зеленый судебный пристав, настоящий гигант, ударил жезлом, и где-то со звоном сломался невидимый клинок, – именем Великой Талигойи и во имя ее, слушайте его величество!

– Слушайте его величество, – повторили приставы по-

меньше, грохая о пол окованным медью деревом. Робер облизнул прокушенную губу, пытаясь ухватить что-то важное, крадущееся по самому краю затопившей душу пустоты. Проклятая память плясала ренквахскими холодными огнями, куда-то тянула и гасла среди трясин.

– Государь встает, – напомнили приставы, – всем встать во имя Справедливости.

Звякнули, столкнувшись, пять тяжелых золотых цепей – король... Король? Молодой человек в белых штанах, белых сапогах, белом камзоле, только и всего.

– Государь встал. Слушайте его величество!

Поднялся ли Левий? За двойным рядом гимнетов малорослого кардинала не разглядеть, но Ворон остался сидеть, только отвернулся от окна. Теперь он смотрел прямо на Альдо. Без ненависти, без усмешки, без сострадания.

– Рокэ Алва, глава Дома Ветра! – Альдо заговорил раньше, чем следовало. И быстрее. – Эории Великой Талигойи признали тебя виновным. Мы сказали, а ты слышал. Ты ответишь за свои преступления сполна. Мэратон!

– Орстон! – Вот теперь Алва поднялся. Стремительно и неожиданно, словно выброшенное пружиной лезвие. – Ты сказал, я слышал. Ты сказал, и тебя слышали. Что ж, эории Великой Талигойи, я к вашим услугам. Предлагаю шпагу и кинжал, но готов и на что-нибудь более гальтарское.

Ворон – Повелитель Ветра, он не должен драться с Альдо! Это ошибка! Святой Алан, это ошибка! Скрестить шпагу с судьями может только Ракан, или все-таки нет?!..

– Герцог Алва, – чтобы перекрыть поднявшийся гул, гуэций почти кричал, – ваша бравада неуместна! Вы не на дуэли, а перед лицом Высокого Суда... С вами никто не станет драться.

– Станут, – отрезал Ворон, – и не кто иной, как эории Кэртианы. В строгом соответствии с гальтарскими традициями. Законы, господин Кортней, они вроде болота. Если вы перешли замерзшую Ренкваху и не заметили, не спешите лезть туда же летом.

Это такая же ложь, как с озером. Адгемар поверил, принял ультиматум и погиб. Альдо тоже погибнет, если примет вызов, но Ворон врет! Повелителей Ветров казнили стрелами, и только Ракан погибал в бою или уходил в пещеры...

– Только Ракан посылает вызов обвинителям. – Слава Создателю, Альдо знает правду. – А вы, несмотря на все ваши преступления, не Ринальди.

– Верно, не Ринальди. – Лицо Ворона было злым и веселым, словно за карточным столом, и Дикону стало жутко. Потому что Килеан проиграл, когда не мог проиграть, а ворон убил орлана, хотя это и было невозможно. – Герцог Ок-

делл, вы читали о Беатрисе. Отвечайте, что вы помните?

– Ринальди не должен был драться с Эридани! – закричал Дикон. – Первым был Лорио Борраска... Он... Эр Рокэ, вы не можете драться с... с Альдо!

– Юноша, – Ворон сверкнул зубами, – неужели вам запомнились только мучения гордой эории? Эридани не скрестил меч с братом, потому что промолчал. Произнеси анакс «виновен», он бы дрался, хоть и после Лорио, ведь тот был истцом и оскорбленной стороной, а Эридани только судьей. У нас оскорбленным себя полагает господин в белом. Значит, он будет драться первым. Или не будет... В последнем случае вам остается залезть на стол и закричать, что «эр Альдо не турс»...

Окровавленные перья на колючих, багровых от ягод ветках, сквозь сухую траву просвечивают черные сапоги, трещит, разгораясь, костер...

– Первым буду драться я! – Ричард схватился за шпагу, словно поединок уже начался. – Я вызвал эра Рокэ после Эстебана, он принял вызов. Я дерусь первым...

– Герцог Окделл, помолчите! – В голосе Альдо было что угодно, но не облегчение. – Если принять вызов – наше право и обязанность, мы его никому не уступим, но законники не могут знать право хуже военных. Фанч-Джаррик, сколько правды в том, что говорит этот человек?

– В царствование Эрнани Святого прецедента не было, – круглое личико кривилось, морщилось и больше не казалось

младенческим, – никто из осужденных не дрался с судьями, иначе это вошло бы в анналы. В годы правления Эрнани было осуждено шестьдесят четыре эория. Все приняли приговор достойно и смиренно, все...

Ворон усмехнулся, и чиновник замолчал. Он умолк бы и раньше, но раньше Алва на него не смотрел.

– Эрнани Святой до безумия боялся судебных ошибок, – губы Ворона кривила знакомая усмешка, от которой становилось не по себе не только судьейским, – а Манлий Ферра и Диамни Коро умели докапываться до правды. Господа, вы будете смеяться, но при Эрнани судили исключительно виновных. Более того, все они признавали как свою вину, так и полномочия судей. Я не признал ни первого, ни второго, значит, нас рассудят гальтарские боги. Или, если угодно, демоны!

– Это кощунство! – крикнул гуэций. – Кощунство перед лицом его высокопреосвященства.

Кардинал не откликнулся. Ворон слегка повернул голову.

– Это всего лишь законы, сударь. Гальтарские законы. С точки зрения нынешних эсператистов, они еретичны, но кодексы пишут не для богов, а для людей. Осужденный без признания вины дерется с осудившими, сколько б их ни было. Первым в кабитэлский период этим правом с благословения святого Адриана воспользовался Ивиглий Пенья, последним – Цинна Марикьяре в 344 году Волн. После запрета Агарисом боев на линии об этом постарались забыть.

– Герцог Алва говорит то, что соответствует действительности. – В посольском ряду, кашляя и кряхтя, поднялась коричневая фигура, и Дик узнал дуайена. – Древнее право подразумевало божий суд во всех Золотых землях. В Дриксен этот обычай позабыт, но не отменен и по сию пору. Не правда ли, граф фок Глауберозе?

Затянутый в темно-синее дриксенец походил на замерзшее копьё.

– Дриксен – страна чести и памяти, – холодно произнес он, – но я не предполагал, что в Урготе столь хорошо знают наше прошлое.

– А меня удивляет, что герцог Алва, отрицая права его величества Альдо на трон предков, столь рьяно навязывает Высокому Суду один из законов Раканов, – встрял Карлион. – Нельзя настаивать на одном законе, отрицая другие.

– О, – Алва рассмеялся и махнул рукой, – не волнуйтесь, барон, это вышло само собой. Юристы называют такое прецедентом. Эории Кэртианы уже приговаривали меня к смерти и даже назвали это судом. Правда, сообщить мне об этом они забыли. Я узнал о «приговоре» через несколько лет, когда число приговоривших странным образом уменьшилось. Первым убрался в Закат ваш кузен генерал Карлион. Я пристрелил его, чтобы спасти арьергард фок Варзов, зная не зная, что исполняю волю гальтарских богов. Не правда ли, забавно?

– Если это правда, – Альдо смотрел не на Карлиона, а на

Ворона, – ответьте, кто вам сказал о приговоре?

– Окделл. – Ворон учтиво и холодно улыбнулся. – Эгмонт Окделл. Он не соглашался на убийство, пока ему не предложили считать сие благое дело казнью, а себя – судьей.

– Отец рассказал?! – Часовня в Надоре, странные гости, непонятный тогда разговор. – Рассказал?!

– Окделл! – Окрик сюзерена вырвал Дикона из прошлого. Ничего не изменилось, только Ворон больше не улыбался.

– Рассказал, – подтвердил он. – Прежде чем стать на линию. Я спросил Повелителя Скал, подсылал он ко мне убийц или нет. Эгмонт был безмерно оскорблен и сообщил о суде Чести. Я его заколол, но мне стало любопытно, я начал читать... Увы, когда я осилил старые ману-скрипты, из моих судей оставались в живых только старик Эпинэ и Вальтер Придд. Но мы заговорились, а дни сейчас не из длинных.

Кардинал молчит. Он не вмешается, он хочет, чтобы Альдо погиб, чтобы они все погибли...

– Я готов! – Дикон шагнул вперед, понимая, что к вечеру его не станет. Сюзерена можно спасти, лишь убив Алву, и это придется сделать перед поединком. Пусть в спину, если не будет другого выхода. Алана казнили. Ричард избавит Альдо от этой необходимости, его хватит и на второй удар.

– Я сказал «виновен» раньше Окделла. – Дэвид Рокслей смотрел ясно и прямо, с его плеч словно свалилось что-то грязное и тяжелое. – Я дерусь первым.

– Мы бросим жребий. – Робер изловчился ухватить Дикона за плечо. Возмездие, о котором говорил Енниоль, запоздало совсем немного. Любопытно, догонят они с Альдо в Закате Адгемара или нет...

– Я дерусь первым, – повторил Дэвид. – Алва, я обвинил вас раньше Окделла.

– Сожалею, но первым это сделал Берхайм. – Придд и не подумал встать. – Рокслей был третьим, после Карлиона, Окделл – четвертым.

– А вы? – обернулся к Спруту Ворон. – Каким по счету были вы?

– Я не счел вас виновным в том, в чем вас обвиняют, – Валентин церемонно наклонил голову, – и герцог Эпинэ со мной согласился. Вас следовало не судить, а убить.

– Тонкое наблюдение, – согласился Алва, – и тонкий ум. Значит, мне предстоит бой со Скалами и господином в белых штанах. Досадно...

– Досадно? – не выдержал Рокслей. – Вы сказали досадно?!

– Мой оруженосец вызвал семерых, а мне досталось лишь

пятеро, – задумчиво произнес Ворон. – Разве что счесть обладателя белых одежд за четверых?

– Вы деретесь со мной! – выкрикнул Ричард, выворачиваясь из рук Робера. – Слышите? Я убью вас!

– Помолчите, юноша! – Ворон резко развернулся к Альдо. – Ты, дурак агарисский! Нельзя атаковать вниз по склону, не зная местности, но ты сказал, и тебя слышал не только я. Ты назвал себя Раканом, тебе придется драться прежде твоих прихвостней. Или отдать себя на милость древних сил. Они будут развлекаться дольше меня...

– Нет! – Ричард был сильнее и моложе Робера, но Эпинэ как-то его удержал, а потом подскочил Мевен. – Нет!.. Он тебя убьет!

– Хватит! – прикрикнул Альдо, и Дикон послушно замолчал. – Мы проверим кодекс Дионида и посмотрим старые хроники. Если Рокэ Алва имеет право на бой с нами, мы скрестим шпаги. Кортней, Фанч-Джаррик, позаботьтесь на этот раз представить все необходимые документы.

– В этом нет нужды. – Раздавшийся из-за спин гимнетов голос был мягким и спокойным. – Анналы Адриана в полной мере подтверждают сказанное обвиняемым. Осужденный может требовать поединка с обвинителями, последние же не могут ему отказать. Будь герцог Алва осужден судом зориев, все решало бы его желание отстоять свою невиновность, но два дома из четырех его оправдали, а третий объявили молчащим. Герцог Алва оправдан судом зориев и

осужден по праву анакса. Он не может драться с оставшимися в меньшинстве обвинителями.

– Поединка не будет? – Дикон опередил Робера на пол-вздоха. – Не будет? Да, ваше высокопреосвященство?

Кардинал кротко вздохнул и поправил эмалевого голубя на груди. Сейчас ударит. Из-за угла и со всей силы.

– Увы, сын мой, – голубые глаза смотрели прямо и скорбно, – поединок состоится, но без участия Дома Скал. По древним законам и по Адриановым анналам Альдо Ракан обязан биться с Рокэ Алвой один на один, если Рокэ Алва не признает свою вину. И если приговоривший не проявит милосердие и не помилует преступника, отдав его на поруки, как Эрнани Святой отдал на поруки святого Адриана Силана Куллу.

Это выход! Для всех – для Алвы, Альдо, Дикона и для них с Никола... Ворон переберется в Ноху, сюзерен останется жив, город цел, можно будет ждать весны и Лионеля...

– Герцог Алва признаёт свою вину, – отрезал Альдо, – или мы будем драться.

– На линии, – холодно уточнил Ворон.

– На линии, – боднул воздух Альдо, – завтра на рассвете. И пусть Повелители и кар... и его высокопреосвященство увидят все. Орстон!

– Мой государь, – подался вперед Дикон, – мой государь...

– Помолчите, Окделл!

– Сын мой, – взгляд Левия стал еще мягче, белые паль-

цы скользнули по белой эмали, – я, скромный служитель Создателя нашего, именем Милосердия Его и во имя Возвращения Его прошу тебя помиловать Рокэ Алву и отдать мне на поруки. Залогом моей искренности да будет жезл святого Эрнани.

– Умоляю о милосердии... – Дуайен посольской палаты громко закашлялся и торопливо закрыл рот платком.

– Ваше величество, – поддержал дриксенец, – именем моего кесаря прошу проявить милосердие.

– Мой государь, – заворковал экстерриор, – послы Золотых земель...

– Ваше величество...

– Мой государь...

– Умоляем...

– Будьте великодушны...

Нужно было просить, доказывать, умолять, а язык не поворачивался. Левий делал невозможное – он спасал всех, дарил время и жизнь, послы, судейские, эории выплясывали вокруг Альдо, хлопоча, кто за себя, кто за сюзерена, а Иноходец тупо смотрел перед собой, запоминая всякую чушь вроде чернильного пятна на мизинце Фанч-Джаррика. В голове гудело, словно в нее набилась стая мух, их жужжанье глушило память, а нужно было вспомнить... Во что бы то ни стало вспомнить, только о чем?.. Или о ком?

– Я не могу отказать его высокопреосвященству и вызвать неудовольствие его святейшества и держав Золотого Догово-

ра, – Альдо не говорил, он рычал, – но если Алва исчезнет из Нохи, ответят головой все... Все, вынуждавшие нас даровать преступнику жизнь. Ваше высокопреосвященство, мы сказали, а вы слышали.

– Мэратон! – Кардинал сложил ладони на груди и улыбнулся. – Мои люди готовы сменить гимнетов прямо сейчас.

– Этого не будет, – отрезал сюзерен. – Рокэ Алву доставит в Ноху цивильная стража и личный полк Повелителя Скал, но не раньше чем будут оговорены условия. Мы согласились сохранить герцогу Алва жизнь, но мы не можем допустить, чтобы он вредил делу Великой Талигойи. Мевен, уведите осужденного. Пока он находится в Гальтарском дворце, за него отвечаете вы.

– Повиновение государю. – Гимнет-капитан шагнул к Алве, вернувшемуся к созерцанию витражей. Гуэций затряс своим колокольчиком, невидимые мухи притихли.

– Герцог Алва, – теперь супрем говорил медленно и внятно, – заступничеством его высокопреосвященства Левия вам сохранена жизнь. Вы будете помещены в Ноху под двойной охраной цивильной стражи и людей его высокопреосвященства. Возблагодарите милосердие Альдо Ракана.

Алва потянулся, распрямляя плечи, и поднялся:

– Значит, все-таки не анакс, а ничтожество в белых штанах... Скучно, но предсказуемо... Мевен, дайте пройти!

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

Алва вышел. Безупречно ровная спина скрылась за плащами гимнетов, торопливо сдвинула алебарды охрана, и Дик понял, что обошлось. Непоправимого не случится, сюзерен не будет драться и останется жив, они все останутся живы... От мысли, что он мог потерять Альдо, как потерял отца, стало холодно. Запоздалый страх, холодный, тяжелый, липкий, словно снег на крышах во время оттепели, рухнул на плечи, вдавливая в кресло. Хотелось одного – кричать и броситься вон, но Повелители не кричат, это Ричард Окделл усвоил еще в младенчестве.

Юноша прижался к изукрашенной гербами спинке, пытается унять нахлынувшую дрожь, а вокруг шевелилось, шуршало, гудело. Зал дышал и ворочался, под деревянной кожей дрожал уставший камень. Гальтарский дворец желал изба-

виться от набившихся в него людей, позабыть о том, что видел, уснуть, но люди не уходили. Они ждали сюзерена, а тот листал огромный, переплетенный в темную кожу том. Старые законы пахли плесенью и кровью, их не следовало будить, в государстве должно быть одно право – право государя.

Государь может все, и он никому ничего не должен. Раканы изначальны, как изначальны камни. Каменотес не может повелевать скалами, каменотесы слабы и смертны, камни вечны, и власть Раканов будет вечной. Альдо отыщет ключи к древней магии и станет неуязвим, но сейчас не время испытывать судьбу. Сюзерен совершил единственную ошибку – в обмен на отречение сохранил Фердинанду жизнь. С этого все и началось, а теперь камни недовольны. Они не хотят просыпаться, они устали слушать смертных, они устали...

Сквозь тяжелый холодный ропот пробился мягкий шлепок – государь захлопнул кодекс. Он больше не нуждался в законах.

– Господа послы, – Альдо в который раз справился с собой, он вновь был невозмутим, как гальтарский мрамор, – мы высоко ценим проявленную вами заинтересованность и надеемся и впредь на вашу лояльность.

Ваше высокопреосвященство, наш разговор не закончен, мы просим подождать нас в Бронзовом кабинете. Кортней, Фанч-Джаррик, вы нам нужны незамедлительно. Первый маршал, цивильный комендант, гимнет-капитаны, жди-

те дальнейших распоряжений, остальные могут быть свободны.

– Его величество покидает зал, – торопливо возвестил старший пристав. – Дорогу его величеству Альдо Ракану! Дорогу его высокопреосвященству Левию! Дорогу послам Золотых земель! Дорогу Высокому Суду!

Пристав еще кричал, а сюзерен уже сошел вниз. Альдо всегда ходил быстро, но сегодня он почти летал, в отличие от неспешно выступавшего кардинала. Лицо Левия лучилось мягкой улыбкой, и Дика передернуло от отвращения. Это Оноре был добр, а Левий лгал. Истинной доброты и милосердия в кардинале было не больше, чем в Сильвестре, и все же он предотвратил поединок...

Кардинал выплыл из зала, послы тоже медленно и с достоинством разошлись. Дик вытащил из-под кучки бумаг листок с посланием Сузы-Музы, сунул в карман и поднялся, выискивая глазами Придда. Спрут, выпятив губу, слушал поднимающегося на помост лилового гвардейца. Увы, Карлион сидел ближе.

– Мевену не следовало уводить осужденного, прежде чем его величество нас покинет, – во всеуслышание объявил Ангерран, подхватывая Ричарда под руку. – Это нарушает этикет.

– Это Ворон увел Мевена. – Дэвид не мог оторвать взгляда от опустевшей скамьи. – Проклятый кодекс...

– Во всем виноват Кракл, – напомнил Мариус Берхайм

и чихнул. – Косая образина напутала с обвинением, и все пошло кувырком, но какой же здесь холод!

– О да, – закивал Ангерран, не выпуская Дикова локтя, – коменданта дворца следует отправить в Багерлее за попытку нас всех заморозить. Не правда ли, Ричард?

Дикон рассеянно кивнул, думая о деле, которое следовало решить. От Ангеррана толку мало, но Рокслей сюзерену и другу не откажет.

– Дэвид, идемте со мной, – Дикон высвободил локоть из дядюшкиных лап, – вы мне нужны.

– Ричард, – Ангерран в очередной раз ничего не понял, – вам нужна помощь? Но мы, как ближайшие родичи...

– Мне поможет граф Рокслей. – Невежливо, но только родственников ему на дуэли не хватало. – Засвидетельствуйте мое почтение вашей супруге.

– Но, Ричард...

К кошкам дядюшку! Вместе с родичами, но какие же огромные у Спрута гвардейцы, наверное, всю Придду перерыл, пока нашел.

– Вижу, вы торопитесь.

Валентин сухо поклонился:

– Увы, меня ждут неотложные дела.

– Одно из них можно решить прямо сейчас. – Пережитый ужас сменился бешенством, и оно тоже было холодным. – Нам следует договориться о встрече.

Спрут уставился на Дика ничего не выражающими глаза-

ми.

– Сожалею, – наконец изрек он, – но в связи с открывшимися обстоятельствами дуэль между нами невозможна. Более того, будь я более осведомлен, не состоялась бы и предыдущая.

– Разумеется, – кивнул Ричард, – вас отрезвило то, как я владею шпагой.

– Как раз это, как выразился ваш бывший покровитель, предсказуемо, – оскалил зубы Валентин. – В Лаик вы фехтовали всего лишь сносно, но потом вам несказанно повезло с учителем.

– Так в чем же дело? – поднял бровь Дикон. – В том, что, пока одни воевали, другие позабыли, как держат шпагу?

– Багерлее, знаете ли, не располагает к тренировкам. – Святой Алан, эту тварь не переспоришь. – Но не переживайте. Герцог Алва справится с вами шутя. Даже в цепях.

– При чем тут Ворон? – Нужно во что бы то ни стало сохранить спокойствие и вынудить Придда принять вызов. – Не при том ли, что из страха перед поединком вы предпочли его оправдать?

– А вы предпочли осудить, чтобы не возвращать дом и вещи, которые ваши слуги столь успешно распродают? Надо полагать, по вашему распоряжению, но мы отклонились от предмета нашей беседы. Ваш план очевиден.

– План? – не понял Дикон. – Какой, к кошкам, план?

– Весьма разумный. – Серый бархат, серое лицо, серая ду-

ша. – Вы бросили вызов человеку, который прикончит вас первым же ударом, вам не хочется прослыть трусом, еще меньше хочется умереть, и вы ищете равного вам противника. Ничего нет проще, чем обменяться парой ударов и отменить главную дуэль из-за раны, скажем, в запястье... Вы же не трусите, вы просто не можете держать шпагу.

Так вот, герцог Окделл, я не дам вам этой возможности. Настолько, насколько это зависит от меня, вы доживете до поединка со своим эром без единой царапины.

Ударить по холеной бледной морде? Кулаком, изо всей силы... Невозможно! После сказанного невозможно.

– Герцог Алва отправляется в Ноху. – Только бы не сорваться, святой Алан, только бы не сорваться. – У нас с вами есть время.

– Вы в этом уверены? – Ворон поднимал бровь, Придд – уголок рта, и это было еще отвратительней. – В любом случае, сейчас вы ближе к дуэли, чем утром, но не сомневайтесь, если Алва вас помилует или... неожиданно умрет, я пришлю к вам секундантов, а сейчас разрешите откланяться.

2

Стоять у одного окна с Левием и не иметь возможности заговорить – это хуже соленой воды и гитары без струн. Будь на то воля Робера, прицепившийся к кардиналу Кортней

незамедлительно бы отправился к кошкам, но Первый маршал Талига не может выгнать супрема, а супрем не уймется, пока не заболтает свой конфуз.

– Старые кодексы несовершенны и противоречивы, – уныло доказывал Кортней, – а возможности опираться на прецеденты мы были лишены, что поставило нас в крайне неприятное положение.

Робер схватил себя за язык, его высокопреосвященство не считал нужным:

– Юристы, уступившие военному, отказавшемуся от судебной защиты и лишенному даже книг, должны заняться более подходящим для них делом. Я бы посоветовал выращивание моркови. Этот овощ весьма неприхотлив и самостоятелен.

Кортней затанцевал на месте, как огорченная лошадь, но доконать собеседника Левий не успел. Вошел Лаптон.

– Его величество просит передать свои извинения, – гимнет-капитан казался озабоченным, – его величество получил весьма важные и неприятные известия, требующие немедленного вмешательства. Сейчас будут поданы напитки и легкие закуски.

– В этом нет необходимости. – Левий стоял очень прямо и все равно в сравнении с торчащими по углам гимнетами казался маленьким. – Как долго продлится столь необходимое вмешательство?

– Не более часа, – заверил Лаптон. – Его величество весь-

ма раздосадован...

– Вне всякого сомнения. – Кардинал тонко улыбнулся. – Мы все понимаем, и мы подождем, не правда ли, Эпинэ?

– Конечно, – подтвердил Иноходец, отгоняя проснувшийся голод, – но во дворце назначена аудиенция дуайену, а мы еще здесь.

Левий улыбнулся еще раз:

– Маркиз Габайру все поймет правильно. Кстати, господин Кортней, я прочел вашу записку внимательнейшим образом и вынужден ответить «нет». Светские власти, как бы они ни были сведущи в каноническом праве, не могут отрицать мир, а посему суд светский никогда не сможет заменить суд церковный.

– Однако, – не растерялся супрем, – в кесарии Дриксен Белый Суд³ уполномочен рассматривать дела о богохульстве и ереси.

Взгляд Левия стал жестким.

– Ксаверий Дриксенский в своей борьбе с эгидианством допустил ряд промахов и бросился за помощью к кесарю. Это ошибка дорого обойдется и пастве, и пастырям.

Поймите, барон, посвятившие себя Создателю думают лишь о воле Его, они чужды мести, корысти и ненависти, а неприявшие обет выискивают в святых текстах подтверждения своей правоты и оправдания своих деяний и чувств. Об-

³ Высший судебный орган.

манутая жена жаждет наказать мужа за измену, но не за нарушение заповеданного Создателем. Сосед доносит на соседа не потому, что тот – еретик, а потому, что богат. Король хочет смерти врага своего, видя в нем угрозу власти своей, но не власти Создателя...

– Его величество Альдо справедлив и милосерден, — напомнил Кортней. — Он сохранил жизнь герцогу Алва, несмотря на все его преступления.

Левий поправил наперсный знак, словно это была перевязь.

– Уста часто торопятся оправдать тех, кого обвиняет сердце, — произнес кардинал голосом кота, поучающего попавшую в когти мышшь. — Если сердце знает, что некто честен, уста промолчат, как бы громко рядом ни кричали «Держи вора!». Защищая тех, кого не обвиняют, вы указываете на возможного преступника...

– Ваше высокопреосвященство, — позеленевший не только платьем, но и лицом супрем являл собой весьма кислое зрелище, — вы меня не так поняли. Я...

Оправдания грозили затянуться, и Робер отвернулся к окну. Солнце еще светило, но тени сделались синими и длинными. Они заполонили внутренний двор и подползли вплотную к воротам. Если Альдо не перестанет беситься, возвращаться во дворец и везти Ворона в Ноху придется ночью.

Существуй кэналлийцы Давенпорта на самом деле, они бы такую возможность не упустили, но таинственные отряды

были такой же выдумкой, что и полученные сюзереном известия. Альдо просто злился, для отвода глаз гоняя по городу ни в чем не повинных офицеров. Ничего, сюзерену полезно проиграть, хотя, по большому счету, он выиграл ни много ни мало – жизнь. Дурак, не понимает, что родился заново, и хорошо, а то с него стало бы отыграть назад и принять вызов.

– Добрый вечер, господа. – Сменивший Лаптона Мевен, как и положено гимнет-капитану, на закате явился в красно-черном. – Ваше высокопреосвященство, его величество готов отбыть во дворец и просит вас и герцога Эпинэ к нему присоединиться.

– Благодарю, сын мой. – Левый неспешно обернулся. – Но сначала я хотел бы убедиться, что герцог Алва находится в Нохе. Помещение для него уже готово?

– Ваше высокопреосвященство может не беспокоиться, – заверил Мевен. – Гимнет-капитан Лаптон и полковник Нокс лично осмотрели выбранный вами флигель и доложили его величеству, что побег оттуда невозможен. Его величество только что подписал указ о переводе узника в Ноху, его отправят туда незамедлительно.

– Мои люди и карета готовы, – кивнул кардинал.

– Его величество не возражает против дополнительного эскорта, но герцога Алва в Ноху препроводят гимнеты и гражданская стража. Вчера, как вам известно, в окрестностях города были замечены кэналлийцы.

– Сегодня у них отпала необходимость подвергать себя и

своего собрано риску, – Левий тронул голубя, – а чрезмерная осторожность является не добродетелью, но пороком.

– Когда речь идет о Кэналлийском Вороне, осторожность не может быть чрезмерной, – вступился Кортней. – Алва не способен оценить милосердие государя.

– Вы полагаете, он пойдет на побег, чтобы потребовать у его величества удовлетворения? – подсказал кардинал. – Эти опасения я готов разделить. Кто возглавляет эскорт?

– Цивильный комендант Оллари. Ему помогают полковник Нокс и ваш покорный слуга. Прикажете пересадить заключенного в вашу карету?

– Не стоит подвергать кэналлийского герцога подобному испытанию, – улыбнулся Левий. – С него достанет и общества брата Пьетро. По дороге в святую обитель узнику будет полезно узнать, что думал о нем преосвященный Оноре.

– И что же? – с удовольствием подыграл его высокопреосвященству Эпинэ.

Кардинал резко поднял голову, умело поймав взгляд Мевена.

– Епископ Оноре редко ошибался в людях, – отдельно произнес Левий, – и он не увидел в герцоге Алва зла. Я навещал кэналлийца в Багерлее и склонен согласиться с преосвященным. Герцог Кэналлоа чрезмерно горд, невоздержан на язык и всем сердцем предан своему королю. Верность же павшим и самопожертвование есть величайшие из добродетелей, они не останутся без награды ни за Порогом, ни перед

ним. Задумывался ли ты над этим, сын мой?

– Нет, ваше высокопреосвященство, – пробормотал Мевен. – Я могу идти?

– Разумеется, – разрешил Левий. – И помни, долг наш перед Создателем превышает долг перед земными владыками, и, в отличие от последнего, он вечен.

3

На зеленоватом, словно дурная торская бирюза, небе проступила половинка луны – слабенькая, дрожащая, полупрозрачная. Она висела над черным гребнем крыш, и не глядеть на нее было трудно.

– Первая четверть, монсеньор. – Нокс никогда не испытывал тяги к небу, но ледящий зеленый шелк встревожил даже его. – Я бы предпочел, чтоб мы ехали в Багерлее, а не в Ноху.

– Почему? – не сразу сообразил Ричард и немедленно пожалел о сказанном. Не следует задавать школярских вопросов подчиненным, даже самым верным и неразговорчивым.

– Не сто́ит иметь пол-луны за спиной, – неохотно буркнул Нокс, – тем более ржавой. Дороги не будет.

Дикон еще раз глянул вверх: месяц был обычным, тускло-серебристым, вокруг него уже проступили звезды.

Юноша старательно пожал плечами и поправил плащ.

– Это не наша дорога, полковник, а кардиналу и Ворону приметы не нужны.

– Не сомневаюсь, монсеньор. – Северянин больше не думал о небе. – Вы доверяете гимнетам?

– Мевена и Лаптона выбрал государь. – Святой Алан, Нокс сам на себя не похож. Сначала луна, потом эти расспросы. – Полковник, что с вами? Что-то случилось?

– Ровным счетом ничего, монсеньор... Просто я подумал, что этот Суза-Муза... Он может быть гимнетом, иначе как он всюду пробирается?

– Вполне возможно. – Не возможно, а так и есть! Только гимнеты сопровождают сюзерена повсюду. Гимнеты и граф Медуза!

– В таком случае в карету с герцогом Алва должен сесть цивильный офицер. Прошу меня простить, но Суза-Муза монсеньора ненавидит. Боюсь даже предположить, что будет, если он встретится с кэналлийцем.

Это так, забывать о неуловимом мерзавце нельзя. Граф Медуза объявил войну не только Альдо, но и Окделлу, и еще этот утренний ультиматум... Волны и Молнии уступили, Скалы – нет, теперь жди любой подлости!

– В карету сядет северянин, – отрезал Ричард. – Мевен поймет, а людям Айнсмеллера я не верю.

– Если монсеньор не возражает, я возьму это на себя, – Нокс запнулся, но решительно добавил: – Видите ли, монсеньор, мои люди... Они были очень преданы генералу Лю-

ра... Я не хотел бы рисковать.

Что сделает Карваль, оказавшись один на один с убийцей Робера? С убийцей, ушедшим от палача? Если люди Симона расправятся с его убийцей, исповедь Эрнани утратит силу, но обвинят Альдо. Тот же Левий и обвинит, а другие подхватят.

– А вы, Нокс? – Ричард положил руку на плечо северянину. – Вы за себя ручаетесь?

– Да, монсеньор, – полковник был слегка обижен, – могу поклясться.

– Я вам верю. Доложите Мевену, что мы готовы, и ступайте за... кэналлийцем. Мы и так задержались.

Нокс щелкнул каблуками и исчез. Солдаты без лишних слов принялись разбирать лошадей, на ступени вышли два монаха, сгустившиеся сумерки превращали их в олларрианцев. Следовало подойти и заговорить, но не хотелось.

Дикон облизнул пересохшие губы и подошел к коню. Поправил поводья, с облегчением почувствовав живое тепло. Карас негромко вздохнул, из нежных ноздрей выбились струйки пара, большой, добрый глаз отсвечивал красным. Ричард поднял голову: половинка луны над острыми крышами и впрямь была багровой.

Глава 7

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Вот ящерица, – шепнул Альдо, приподняв портьеру, – ты заметил? Он меня короновал, и он же ни разу не назвал меня в разговоре «ваше величество», а этот город – Раканой.

– Не ящерица, – таким же шепотом откликнулся Робер, чувствуя, что противен сам себе, – голубь.

Шутка удалась, Альдо весело подмигнул. Он не сердился на утренний приговор или делал вид, что не сердится.

– Ящерица или голубь, пора выходить. Если я не сяду за стол, неровен час, съем кардинала вместе с послами.

– Главное, подданных не ешь, – еще раз пошутил Иноходец, глядя в рыжую от горящих свечей приемную. – Они тебе еще пригодятся.

– Подданные невкусные. – Король Великой Талигойи одернул золотистый камзол и подхватил своего маршала под

руку. – Пора являть себя волчьей стае. Слушай, неужели ты есть не хочешь?

– Нет, – признался Робер, – в Ружском, думал, проглочу кого-нибудь, а вернулись, как отрезало. Вот упасть и уснуть хочу.

– Потому и имена путаешь, – вздохнул сюзерен. – А не проглотил зря. Маршал должен быть хищным, иначе слопают.

– Хищных иноходцев не бывает. – Да что с ним такое, откуда это шутовство?

– Иноходец, говоришь? – Альдо махнул стоящим у дверей закатным гимнетам. – Хотел бы я увидеть, как Ворон с голубком уживутся. Спроси Левия при случае, он тебя любит.

– Не замечал. – Шутки шутками, а до конца далеко, до настоящего конца. – Не верю я клирикам... Еще с Клемента не верю.

– И правильно делаешь, – посерьезнел его величество, – но свое мы с них получили. Жезл наш, коронация прошла, теперь пускай подвинутся.

Выжать и выбросить... Откуда это у него, не было ведь раньше... Да нет, было, только не с тобой, а с женщинами да лошадьми. Мильжа сказал: кто загонит коня, тот и друга загонит. Бирисец думал про Адгемара, а вышло про Альдо.

Город притих. Темные улицы словно вымерли, лошадиный топот и скрип колес в выстывшей, настороженной тишине казались неуместными, как смех на кладбище. Эскорт молча полз меж вжавшихся в землю домов, говорить не тянуло никого, даже Мевена.

В Октавианскую ночь тоже молчали, но иначе. Тогда все было другим, даже катящиеся перед факельщиками тени, а вот висела ли над крышами луна, Дик не помнил. Память сохранила запах дыма, багровые сполохи, колокольный звон и мерный топот за спиной. Тогда они шли в бой, но страха не было; теперь он пришел. Горели факелы, тряслись в седлах цивильники и гимнеты, и все равно было чудовищно одиноко.

Дикон поправил шляпу и придержал Караса, дожидаясь Мевена, хотя приближаться к карете не хотелось. Факельщики на рысях прошли дальше, свернули за черную, длинношею церковь, следом истаял первый десяток цивильников...

– Вы о чем-то вспомнили? – Гнедой Мевена в свете факелов стал рыжим. – Или просто заскучали?

– Сам не знаю, – Ричард шевельнул поводьями, – похоже, заскучал.

– С удовольствием разделю вашу скуку, – виконт приподнялся в стременах, глядя вперед, – чем дальше от Триум-

фальной, тем гаже дорога.

– Возле Триумфальной видели подозрительных всадников, – напомнил юноша, – а его величество не хочет стычки.

– В здешних лабиринтах можно подозрительный полк спрятать, – хмыкнул Мевен, – никто не проснется.

– Зато здесь нас не ждут, – напомнил Дикон, – Нокс про-верял. Разрубленный Змей!

Лошади факелоносцев зауросили, не желая идти в проход меж двумя глухими стенами, за которыми угадывалось что-то темное и растрепанное. Тополя! В ветках запутался гнилой лунный обломок, тени черными мечами рубили улицу. Раздался шорох, блеснули два круглых глаза. Кошка!

– Вот ведь тварь! – Мевен с трудом удержал прыгнувшего вбок полумориска. – Нашла где шастать.

– Господин цивильный комендант, – доложил сержант, – переулок узкий. Четверо в ряд еще проедут, а как с каретой быть?

Спросить Нокса? Но он с Алвой, а карету лучше не открывать.

– Не останавливаться. – Выдра для засады выбрал похожий проезд, но сорок человек мелкой шайке не по зубам, а большому отряду в такой тесноте не развернуться. – Рысью!

Мевен окинул взглядом темную щель и окликнул гимнет-сержанта.

– Один человек у дверцы проедет, остальные – спереди и сзади. Станет улица пошире, перестроимся. Понятно?

– Да, господин гимнет-капитан.

Сержант завернул коня, Мевен почесал нос:

– На вашем месте, Ричард, я бы не связывался с Алвой, по крайней мере сегодня. Проводить его в Ноху мог и Рокслей.

– Я не боюсь, – отрезал Дикон. Справа зазвонил колокол, там была Дора.

– То, что вы не боитесь, вы доказали, – хмыкнул гимнет-капитан, и на душе у Дика потеплело. – Дело не в вас, а в Алве. Не стоит его раздражать. Представляете, что будет, если Ворону захочется свернуть голову Ноксу и отправиться во дворец, дабы настоять на поединке? Лично я не уверен, что полковник защитит себя и монашка. Цепи в карете мало помешают.

– Нокс – боевой офицер... Он не растеряется.

Мевен покачал головой:

– Вы не видели, как Алва управился с Гирке и Килеаном, а я видел. Впечатляющее зрелище. Будет лучше, если я присоединюсь к вашему полковнику.

Чья-то лошадь захромала и пошла шагом. Неровный стук копыт выбивался из общего топота.

– Нокс справится. – Остаться без Мевена среди грязных темных стен? Увольте! Северянин не станет ждать и тянуть, он, если что, ударит сразу, а Пьетро закричит. На это способен даже монах.

– Как хотите, – пожал плечами виконт, – но одного человека мало.

– Нас сорок, а я пока еще цивилизный комендант!

Зачем он это сказал? Мевен – друг, он хотел помочь, и он прав. Пусть посадит к Ноксу гимнета и успокоится, вот проедем старые аббатства, и пусть сажает...

За стеной уныло и равнодушно, словно исполняя надоевшую работу, завывала собака, ей ответил такой же бесплотный пустой голос. Лучше б здесь жили кошки. Они хотя бы не воют, но какое же гнусное место... Если что-то и нужно сносить, так это старые аббатства, они все равно насквозь прогнили.

– Отвратительное место!

– Монастырь как монастырь. Тут все такие.

Обиделся... Нашел когда! Дикон послал Караса вправо и вперед, подальше от заплесневевшей стены, и прикрыл глаза, но стена не исчезла. Грязная и старая, она была испятнана плесенью, а по ее утыканному гвоздями верху, сверкая круглыми голыми пятками, шла маленькая ювелирша.

– Девочка!.. Девочка, стой!

Дик пришпорил Караса, конь перешел на рысь, потом на кентер, оставив позади и карету, и эскорт, но догнать девчонку не удавалось. Малявка вприпрыжку бежала по гвоздям, оборачивалась, показывала зеленоватый язык, бежала дальше. Пахло мертвыми лилиями, цокот копыт перешел в болотное чавканье, Ричард оглянулся, сзади не было ничего, только плесень на стенах и лунная гниль.

– Трак-так-так, ты – дурак, – завопила девчонка, пристав-

ляя к носу растопыренные пальцы, – и тебя укусит рак...

3

– Проснись, – велел Альдо и тут же сам широко зевнул: – Пойдем, поприветствуем этот зверинец.

– Я готов. – Все утряслось, почему же он не радуется? Нету сил, или дело в старом клене, который теперь доживет до весны? Ты долго решался и наконец решился, а драки не будет. Ты оказался не нужен, Ворон перезимует у Левия, весной подойдет Савиньяк...

– Доброй ночи, господа. – Его величество широким жестом обвел разглядывавших гобелены приглашенных и уверенно направился к кардиналу. – Признаться, ваше высокопреосвященство, – сюзерен улыбался широко и беззаботно, – я рад, что вы приютите кэналлийца. Этот зверь слишком хлопотен в содержании.

– Я был готов освободить вас от него еще днем, – напомнил кардинал, трогая милосердного голубка. – Надеюсь, герцог Окделл скоро к нам присоединится.

– Вне всякого сомнения, – заверил Альдо, – мы не намерены отпускать гостей раньше полуночи. Окделл и Мевен появятся не позже половины одиннадцатого, разве что застрянут перед зеркалом.

Дикону сегодня не до зеркал. Сопровождать в Ноху соб-

ственного эра, а до этого бросить ему вызов... Мевен обещал не допустить встречи, но Дикон, чего доброго, попробует доказать то ли Придду, то ли себе, что не боится. Глупо...

– Молодым людям свойственно уделять внимание своей внешности, – кротко произнес его высокопреосвященство, – мы подождем гражданского коменданта, сколько бы ни занял его туалет. Кстати, не могу не отметить, что зимой золотистый цвет выглядит приятней, нежели режущий глаза белый.

– Принцесса Матильда и моя названная кузина думают так же, – быстро произнес сюзерен. – Они привезли из Алати множество сундуков, неприлично держать их запертыми.

– Без сомнения, – одобрил Левий, – тем более в глазах Создателя нашего бел лишь Эсперадор, но когда мы увидим ее высочество?

– Моя предприимчивая бабушка с отрядом мушкетеров лично проверяет Кольцо Эрнани, – засмеялся Альдо. – Скоро она вернется, и я дам в ее честь большой прием.

– Гостеприимство Раканов поражает, – вступил в беседу кашляющий дуайен, – мой преемник будет счастлив попасть к столь блистательному двору.

– Но мы не желаем расставаться с вами, маркиз, – сюзерен выпустил локоть Робера и подхватил Габайру, – без вас Посольская палата опустеет.

– О, – старикашка прикрыл рот золотистым платочком, – граф фок Глауберозе более представителен, нежели я, и он отличается крепким здоровьем. Я бы не пережил известий,

подобных тем, что граф получил из Хексберг.

– Граф фок Глауберозе – дриксенец, а значит, воин, – пришел на помощь оледеневшему союзнику Маркус Гамбрин, – воин вынесет больше купца.

– Кому это и знать, как не купцу, – ухмыльнулся в свой платок Габайру. – Увы, сударь, тревога гнездится не только на севере. Вы слышали, что мориски зашевелились и собираются на Межевых ⁴ островах напротив гайифских берегов?

– Маркиз Габайру, – торопливо вмешался экстерриор, – когда мы увидим вашего преемника?

– Граф Ченизу прибудет на следующей неделе, – с готовностью объявил старикашка. – Это достойный во всех отношениях человек. Он пользуется исключительным расположением его величества Фомы и знаком с талигойскими... особенностями. Я узнал о его приезде прямо в королевской приемной, без сомнения, это доброе предзнаменование. Кстати, курьер, доставивший известие, проехал мимо Нохи и Ружского, простите, Гальтарского дворца и не встретил ни герцога Окделла, ни эскорта. Только людей его высокопреосвященства. Так странно...

– Действительно, странно, – согласился очнувшийся Рокслей, – на этой дороге невозможно разминуться.

⁴ Цепь островов в Померанцевом море, расположенных ближе к Багряным землям и занятых морскими шадами. Заходить за Межевые острова без разрешения морских шадов золотоземельцам не дозволяется. Исключение – кэналлийцы и марикьяре.

– Ваше величество, – королевский дворец, Ружский, Но-ха, ворота Лилий... Тут и впрямь не разминешься, – нелиш-не проверить, где эскорт. Я мог бы...

– Нет! – Сюзерен не сказал, а рыкнул и тотчас улыбнулся Роберу: – После лихорадки на холод?! Мы не можем риско-вать нашим Первым маршалом накануне войны.

– Я должен проверить. – Проснувшееся беспокойство виз-жало все громче. – Карваль занят, Лаптон тоже, кроме меня некому.

– Гимнеты, скрестить копыя. – Альдо был непреклонен. – Вы останетесь с нами, Эпинэ, и сядете ужинать. Для беспок-ойства нет причин. Мы высоко ценим генерала Карваля, но у нас нет повода оскорблять недоверием цивильную стражу и солдат гарнизона. К тому же утром прибыло подкрепление.

– Я видел лазоревые кокарды, – вступил в разговор посол Дриксен, – раньше их не было.

– Утром подошел кавалерийский полк Халлорана и шесть пехотных рот из ближайших гарнизонов, – пояснил сюзерен, удивив если не послов, так Робера. – Кэналлийцев должны ловить кавалеристы, но оставлять столицу без защиты было бы опрометчиво.

С эскортом все в порядке... Должно быть в порядке, про-сто они задержались на выезде. Расковался конь, сломалась ось у кареты, Рокэ отказался ехать с клириком...

– Ваше величество, – румяный распорядитель грохнул об пол золоченым жезлом, до омерзения напоминавшим судей-

ский, – столы накрыты.

Итак, Первый маршал не знает, какие войска входят в город. Красота!

Халлоран, пусть даже его вызвали приказом государя, обязан был доложить, но не доложил. Это не небрежность, это хуже.

– Господа, прошу, – Альдо мигом обратился в любезнейшего из хозяев, – дам и пулярок не следует вынуждать ждать.

– О да! – Габайру вежливо рассмеялся. – Что первые, что вторые хороши, когда свежи, но, боюсь, мы шокируем его высокопреосвященство.

– Остывшее мясо не украшает стол, – пальцы кардинала пробежались по державшей голубка цепи, – но пастырю надлежит беспокоиться не об ужине, но о пастве. Я желал бы убедиться, что герцог Окделл благополучно следует в Ноху.

– Мы убедимся в этом еще до окончания ужина, – пообещал Альдо, – вдогонку Окделлу незамедлительно отправится разезд. Боюсь, цивильный комендант примет наше беспокойство за недоверие.

– Я разрешу его сомнения, – голубые глаза были внимательными и холодными, очень холодными, – ведь утешать усомнившихся и укреплять неуверенных – мой долг.

– Ричард, – кто-то с силой тряханул юношу за плечо, – проснитесь!

Мевен, и ничуть не обиженный! Остальное – сон, мерзкий до невозможности, но в Олларию такое случается.

– Простите, задремал. – Хромую лошадь надо бросить, а всадник может встать на запятки, один человек там еще поместится.

– Бывает. – Виконт вытащил из ольстры пистолет, сунул назад, подумал и осенил себя Знаком. – Вы – смелый человек, герцог, а вот мне не по себе. Паршивое место, и луна паршивая. Нет, в следующий раз пускай Лаптон едет.

– Ноксу луна тоже не понравилась. – Дикон выдавил из себя усмешку. – Говорит, ржавая.

– Ржавая? – удивился гимнет-капитан. – Гнилая, как те цветочки... Помните, в гробнице?

– Еще бы, – буркнул Ричард, косясь на зловерное светило. Хорошо, что с ними Пьетро. Монах знал святого Оноре, у него должна быть настоящая эспера. Может, даже Адриана...

– Не надо было лезть в гробницу. Началось с Франциска, кончилось Дорой...

– Узурпатору не место в храме, – откликнулся Дик, вслушиваясь в неровное клацанье. Проклятая кляча сбивала с

шага весь отряд. Потеряла подкову?

– Пусть солдат, у которого захромала лошадь, встанет на запятки. Мы не можем его ждать.

– Захромала лошадь? – удивился Мевен. – Вы о чем?

– Мне послышалось. – Ричард огляделся: в первом ряду кони шли ровно, дальше было не разглядеть, но копыта стучали, как положено, и примыкающая к угловому дому стена была обычной, сухой и серой – ни пятен, ни плесени. Старые, выстывшие аббатства остались позади, вокруг тянулся Новый город с его домами, мастерскими, складами.

– Не понимаю я Олларов. – Мевен достал флягу, отхлебнул и протянул Дикону: – Хотите? Будь я на их месте, я б эти могильники срыл под корень.

– Я бы тоже. – Дик с благодарностью глотнул вина. – Вы все еще намерены пересечь в карету?

– Пожалуй, нет. – Мевен поднес флягу к уху и потряс. – Но больше я сюда не ногой, уж лучше кэналлийцы...

– Вы суеверны, как бергер, – посетовал Дикон. Камень с души свалился, но голова оставалась тяжелой. Чтобы окончательно проснуться, требовалось хоть какое-то дело. Юноша привстал на стременах: – Надо же, мы почти у поворота на Вдовью площадь.

– Вы слишком крепко спали, – усмехнулся гимнет-капитан. – Поворот на Вдовью мы проехали минут десять назад.

– Разрубленный Змей! Мевен, почему вы раньше не сказали?

– Потому что не знал, куда вы столь уверенно направляетесь, – зевнул гимнет-капитан. – Хотите повернуть?

– Даже не знаю, – протянул Дикон. – Карета тут, пожалуй, развернется...

– Воля ваша, – откликнулся Мевен, убирая флягу, – но так мы скоро доберемся до Желтой, а с нее все равно попадем в Ноху, только по другой улице. Возвращаясь назад, мы потеряем больше времени.

– Хорошо. – Дик пожал плечами и послал Караса вперед. Линарец согласно взмахнул хвостом и с видимым удовольствием зашагал неширокой сонной улочкой. Все было спокойно, уютные двухэтажные домики мирно спали, как и мощенная барсинским камнем площадь с молчащим фонтаном посередине. Дик придержал коня, любясь осевшим на танцующих птицедевах инеем.

За раскинутыми крыльями начинался город Франциска, который пора переименовывать. Жаль, Оллария росла, куда придется, как ее ни крои, равнозначных частей не получится. А как заманчиво разделить столицу на четыре части и назвать по-гальтарски – город Скал, город Ветра, город Молний... Юноша приласкал благодарно всхрапнувшего Караса и оглянулся на приближающиеся рыжие отблески. В Желтую площадь со стороны аббатств вливалась одна улица, а в город Франциска вели целых три.

Куда сворачивать, Дикон не представлял, но дважды ошибиться дорогой было бы неприлично. Оставалось спросить

у Мевена или выслать вперед разведку. Дикон отсалютовал стынувшим под луной крылатым красоткам и завернул коня навстречу факельщикам. Страхи рассеялись вместе с дремотой, а сверкающая инеем и звездами ночь была прекрасна.

– «Чем горше сон, тем слаще пробуждение, – невольно прошептал юноша, – чем ночь темней, тем радостней рассвет...»

– Да, монсеньор? – На физиономии сержанта-цивильника застыло удивление.

– Это Веннен, – засмеялся Ричард, – и он, как всегда, прав. Надеюсь, вы знаете, какая улица ведет в направлении Нохи?

– Конечно, монсеньор, – перевел дух вояка. – Аптекарская.

– Вот ее и проверьте, – велел юноша. – Да поживее, поздно уже.

– Слушаюсь. – Цивильник, не забыв отдать честь, махнул двоим солдатам: – За мной.

Конские подковы застучали по спящим камням. Обычные подковы обычных лошадей. Вот и все! Через полчаса они в Нохе, а к полуночи – во дворце. Катари тоже в Нохе, но к ней ночью не войти, и вообще, пусть успокоится. Женщины, даже лучшие, никогда не поймут смысла войны и справедливости победы. Они будут защищать проигравших, даже любя победителей...

Юноша неспешно двинулся вдоль ползущего конвоя. Сколько можно вспоминать кошмары! В Надоре собаки во-

ют каждую ночь, а луна над башнями такая, какой здесь и не увидишь. Огромная, серебристая, а на сверкающем диске, если взглядеться, можно рассмотреть вставшего на дыбы Зверя.

– Вот уж не думал, что люблю мещанские кварталы. – Оказавшийся рядом Мевен деловито поправил шляпу. – Что-то я проголодался, а вы?

– А я – нет. – Пережитые страхи обернулись не голодом, а досадой. Ничего, в полнолуние он выпьет шадди и проедется старыми аббатствами. Кентером, чтобы не снилась всякая чушь... Огонь гасят огнем, а страх – взглядом в лицо!

– Монсеньор, – вернувшийся цивильник был доволен, – впереди тихо. Улица широкая, пятеро в ряд спокойно проедут.

– Отлично! – Мевен повернулся к Дику: – Надо взять карету в кольцо.

– На площади, – уточнил юноша. – Жду вас у фонтана.

Карас с готовностью перешел на рысь, догоняя факельщиков, на ограде углового особнячка засверкал иней, развернули крылья уже знакомые танцовщицы, и тут же позади что-то треснуло, охнуло, заскрипело... Грохнули выстрелы, пуля чиркнула по камням возле самых копыт Караса. Брызнули белые искры, линарец вскинулся на дыбы, ехавший слева факельщик свалился на камни, его факел за что-то зацепился, опалив круп соседней лошади. Та, ошавев от боли, взметнулась свечкой, сбросила седока и исчезла в темноте.

Откуда-то выскочили люди с мушкетами, сколько их было, Дикон не разобрал...

5

Грохот. Двое цивильников летят наземь, перепуганный Карас бьет копытами, в глазах мечутся факелы, сбоку что-то звонит и рушится.

Конь!.. Главное – подчинить коня... Леворукий бы побрал этих линарцев! Дикон обеими руками сжал шею жеребца, наваливаясь на нее всем телом. Если обойдется, на эту тварь он больше не сядет. Карас взвизгнул, опускаясь на передние ноги. Сона бы не взбесилась! Сона – умница, нужно ездить на ней и только на ней...

Толчок снизу, под ногу, неожиданный и сильный. Лошадиная спина куда-то делась, навстречу понеслись холодные камни, они распробовали кровь и хотели еще... Чьи-то лапы рванули пояс, кто-то огромный и горячий навалился сзади, Дик вскрикнул от боли в сведенных за спиной локтях и ощутил на горле острый, опасный холод.

– Смотри не придави, он тут из главных.

– Ага. – Похожий сразу на быка и на медведя здоровяк рывком поднял Дика на ноги. Рядом второй, тоже не маленький, удерживал хрипящего линарца, позади что-то мелькало и лязгало.

– Господин полковник, вот, взяли.

– Хорошо! – Лица офицера не разглядеть, только ногу в стремени. – Связать руки и – к карете. Остальные?

– Сдались.

– Хорошо, – повторил старший, звякнул поводьями, и убрался. Ричард судорожно вздохнул, но в горле застрял холодный, липкий ком. Сердце бешено колотилось, во рту сразу пересохло, грубые веревки резали запястья. Дик попытался ослабить узлы и заработал тычок в спину.

– Пошли!

Сбоку вспыхнули новые факелы, свет отскочил от мушкетных стволов, но лица стрелков остались в темноте. Ворота углового особняка были распахнуты, во дворе приплясывали оседланные кони, их держали солдаты. Чужие. Дальше понуро стояли гимнеты, двое скорчились возле опрокинутой решетки. Так вот что звенело, когда взбесился Карас...

Юноша споткнулся о какую-то оглоблю, упасть не дал конвоир.

– Где полковник, Тобиас?

– На площади, – буркнул «Медведь», – добычу считает. Вот, еще один...

Мевен был жив. Скулу виконта украшала ссадина, запястья были стянуты так же, как у Дика.

– Спокойно, – шепнул гимнет-капитан, – только спокойно. Мы ничего не можем.

Перевязи на Мевене не было, плащ тоже куда-то делся, а

на мундире не доставало пуговиц.

– Это не кэналлийцы, – прохрипел Дик. – Кто это?

Мевен не ответил. Становилось все холоднее, руки болели так, словно их жалили все муравьи мира.

– Дорогу!

Из темноты улицы выкатилась карета, скрипнула, остановилась. Тот, кто спрашивал про полковника, вскочил на подножку и распахнул дверцу. Внутри зашевелились, и из кареты вывалилось тело. Кони дернулись и захрапели, один из солдат поднял факел, круг света накрыл полковника Нокса желтым саваном.

– Милосердны будьте, ибо Он милосерден. – Пьетро замер на подножке, не зная, куда поставить ногу. Монаха била дрожь, но свои четки он не бросил.

– Отодвиньте, – приказал какой-то офицер. Медведь-Тобиас ухватил Нокса за ноги и рывком отшвырнул. Лицо мертвеца было искажено, на открывшейся шее чернела широкая полоса.

– Брат мой, дайте руку. Вам ничего не грозит.

Пьетро вздрогнул и оперся на огромную лапищу. Тобиас ловко поставил монаха на землю и вдруг... раздвоился. То есть из кареты вылез еще один великан. Брат?

– Факелы поднять! – Офицер поправил мундир и обнажил шпагу. – На караул!

– Господа, это лишнее! – Рокэ Алва, звеня цепями, спрыгнул наземь и огляделся. – Доброй ночи, герцог. Это все-таки

вы! Несколько неожиданно, но, не скрою, приятно.

Нужно отвечать, но ответ не находился. Дик смотрел на своего эра, а тот улыбнулся и слегка приподнял бровь, возвращая Ричарда в навсегда ушедшее. Навсегда потому, что мир между ними невозможен. Повелитель Скал верен Альдо Ракану, а в Талигойе Раканов места Воронам нет.

– Господин Первый маршал, мы в полном вашем распоряжении! Какие будут приказания?

Валентин! Валентин со своей спесивой миной среди факельщиков и... Эта тварь сняла траур!

– Предатель! – Веревки вгрызлись в кожу, но было не до них. – Подлый предатель!..

– Ричард, – негромко велел Мевен, – тихо.

Так вот с каким «герцогом» заговорил Ворон... Это дело рук Спрута и его стрелков, расплзшихся по городу с попустительством Робера.

– Я убью его! – Кто-то повис у Ричарда на спине, кто-то вцепился в плечо. – Пусти! Обоих... Предатели!

– Говорите, приказания? – Рокэ склонил голову набок. – Найдите что-нибудь выпить, успокойте Окделла, снимите с меня цепи и доложите обстановку. Чем располагаете вы, сколько в городе войск, где они?

– Тобиас, убери этого... Повелителя. – Спина Валентина загородила Ворона, спина предателя, в которую нет возможности всадить кинжал.

– Не слишком далеко, – поправил Алва, подставляя ско-

ванные руки кому-то плечистому, – он тоже может быть полезен.

– Создатель хранит ходящих в незлобии и прощающих врагов своих, – пробормотал Пьетро, закрывая лицо Нокса подобранной тут же шляпой.

Глава 8

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 19-го дня Зимних Скал

1

Левий, как и положено голубку, отщипнул кусочек хлеба. Его высокопреосвященство улыбался. Альдо улыбался еще шире. Неужели научился проигрывать?

– Герцог, вы совсем ничего не едите, – гайифский посол была сама озабоченность. – Вы дурно себя чувствуете?

– Я здоров, – буркнул Эпинэ. Пулярки правили свой последний бал, послы и придворные жевали, гимнеты смотрели, слуги нюхали, и все ждали известий, а может, и не все. Подавальщикам все равно кому подносить тарелки, лишь бы было что уволочь домой...

– Повиновение государю, – возвестил закатный гимнет. – Гонец из Нохи к его высокопреосвященству.

– После ужина, – сюзерен небрежно поднял бокал, – все дела после ужина.

– Пища земная есть средство к существованию, но не цель и не суть его. – Левий промокнул губы салфеткой. – Я выслушаю.

Альдо усмехнулся:

– Ваше высокопреосвященство, мы уважаем тайны церкви, но чтобы узнать о водворении Алвы в Ноху, вставать из-за стола необязательно. Гимнет, пусть гонец войдет.

– Это тоже не обязательно, – усмехнулся Левий, – пусть посланец доверит новость гимнету.

Гонцов лучше расспрашивать без свидетелей, тем более таких. Уж лучше гимнет передаст чужие слова – и все.

– Ваше высокопреосвященство, вы не боитесь жить под одной крышей с еретиком? – полюбопытствовал выздоравливающий ургот.

Сюзерен засмеялся и отодвинул тарелку.

– Наш кардинал очень смел, – объявил он. – Мы обеспокоены его безопасностью больше, чем он сам.

Левий живо повернулся к сюзерену:

– Святой Адриан и память преосвященного Оноре укрепляют меня, – сообщил он, разглядывая королевские цепи, – к тому же страшен не черный лев, но гиена в овечьей шкуре, и не воин с мечом, но отравитель и лжец.

О ком это он? О вновь водворенном в Багерлее Штанцлере или о гостеприимном хозяине?

– Повиновение государю. – Вернувшийся закатный был растерян или это только казалось?

– Мы слушаем.

– Мой государь, гонец послан тенъентом охраны его высокопреосвященства Дексером. Дексер с двумя десятками солдат отправился навстречу эскорту герцога Алва, едва пришло известие о его выезде. Отряд достиг Гальтарского дворца и никого не встретил, о чем тенъент счел нужным уведомить его высокопреосвященство.

– Весьма странно, – кардинал поправил эмалевого голубя, – и весьма неожиданно. Если б разверзлась земля и поглотила грешника вместе с эскортом, Дексер узрел бы бездну, он, знаете ли, весьма наблюдателен.

– Возможно, они не проезжали Триумфальной, – предположил маркиз Габайру и покосился на кардинала. – Не могли герцог Окделл, разумеется, по ошибке, вернуть узника в Багерлее?

– В таком случае, – не моргнул и глазом Левий, – ошибку следует исправить. Я немедленно отправляюсь в Багерлее.

– Это исключено, – огрызнулся Альдо. – Цивильный комендант и гимнет-капитан знают, куда везти узника. За Алву, пока он не в Нохе, отвечают они, и только они. Ваше высокопреосвященство, этот человек слишком опасен, чтобы оставлять его на попечении адептов ордена Милосердия. Его и дальше будут охранять гимнеты.

– Лев, и в клетке сидящий, пугает овец, – улыбнулся клирик. – Мне понятны ваши опасения. Четырежды в день гимнеты смогут убедиться, что Рокэ Алва там, где ему надлежит

быть. Сейчас же я настаиваю на поисках герцога Окделла.

– Я распоряжусь, – чужим голосом произнес Эпинэ. – К сожалению, генерал Карваль отсутствует, но я пошлю Пуэна.

– К Окделлу уже отправлен разъезд, – напомнил сюзерен, – к тому же с Ричардом Мевен, Нокс и сорок солдат, не считая благочестивого брата. С помощью Создателя доберутся.

2

Пьетро перебирал свои дурацкие четки и пялился в землю. Торчал серым истуканом и перебирал. Тощие пальцы отсчитывали жемчужины, мелкие, плохонькие, чуть ли ни болотные, но руки... Они свободны! Зачем связывать овцу?

– Пьетро... Именем святого Оноре, развяжите нас!

Испуганный, непонимающий взгляд. Чего удивляться: тот, кто трусил в Октавианскую ночь, струсит и в эту.

– Пьетро, ваш долг...

– Все мы должники Создателя и кредиторы Леворукого, – проблеял монах, – прими в свое сердце первого, отринь последнего и будешь спасен.

– Тупица, ты пойми...

– Окделл, успокойтесь, – привалившийся к морщинистому стволу Мевен поднял голову, – мы сейчас ничего не можем, нужно ждать!

Ждать, пока Ворон со Спрутом удерут, как удрали во сне?! Но как же все совпало, даже неровный лошадиный цокот.

– Мевен... Мевен, вы меня слышите?

– Да. – К правой щеке гимнет-капитана прилип высохший листик. Виконт раз за разом вытирал щеку о плечо, но лист держался.

– Мевен, нужно... Мы должны сообщить Альдо... Мевен?

– Помолчите!

– Не поддавайтесь пустому гневу и словоблудию, – пробормотал монах. Смотреть на него было тошно, любоваться на выплясывающего перед Алвой Спрута – нестерпимо. Не спасало даже чувство правоты. Ну и что, что ты предупредил сюзерена, а тот не слушал? Правотой меряются после победы, а она ускользает по милости сбежавшего к убийце ублюдка.

– Виконт Мевен, – офицер в лиловом. Знакомое лицо... На коронации он держал Спруту стремя, теперь держит пистолет, – вставайте, вы нужны.

– Кому? – Мевен дернул головой, избавившись наконец от докучливого листка, проступила кровь. Это только ссадина, но Придду свидетели его подлости не нужны.

– Герцог Алва хочет задать вам несколько вопросов.

Алва, не Придд!

– Идемте. – Гимнет-капитан неуклюже – мешали связанные за спиной руки – оторвался от черного ствола. Пьетро

суетливо отступил, давая дорогу жертве и палачу. Чего хочет Ворон? Мевен не перейдет на сторону Олларов! Он не предатель!

– Мы идем вместе, – отчеканил Дикон, – наш разговор с Приддом не окончен.

«Спрут» пожал плечами:

– Когда вы потребуетесь, – процедил он, – за вами придут.

Их с Мевеном ждут пули, и это в лучшем случае, Алва врагов предпочитает вешать. Святой Алан, пройти Октавианскую ночь, две войны, Дору и проститься с жизнью на каком-нибудь каштане в полухорне от ничего не подозревающего сюзерена!

– Я иду с вами!

Офицер молча кивнул ближайшему охраннику. Грубая солдатская пятерня вцепилась в плечо, отделяя от уходящего друга, Дик рванулся, на помощь капралу подоспел долговязый мушкетер.

– Мевен! – закричал Дик, выдираясь из лиловых лап. – Мевен, держитесь!!!

Виконт не оглянулся. Он медленно шел, почти плыл сквозь разодранную факелами тьму, ноги Мевена обнимали тени, длинные и тонкие, словно плети. Сколько факелов, столько и теней, а человек – один.

Солдаты ослабили хватку, решили, что пленник сдался. Дик не стал выводить их из заблуждения. Если б только Пьетро не был таким трусом! Развязать веревки – это

все, что от него требуется, даже не развязать, найти что-то острое... Ворон не должен добраться до армии, иначе конец всему!

Святой Алан, Альдо еще ничего не знает! Помощи ждать неоткуда, когда сюзерен узнает правду, Алва будет далеко, а герцог Окделл умрет. Со связанными руками, бессмысленно, позорно, упустив самого страшного врага анаксии. Они с Ноксом обманули всех, кроме Придда. Опасаться кэналлийцев и угодить к «спрутам»... А вдруг засады были везде? Хуан засел на Триумфальной, Придду достался кружной путь, а Карваля обманом выманили из города. Маленький генерал опоздал в Дору, опоздает и сейчас.

3

– Мы весьма высоко ценим генерала Карваля и его людей, – обрадовал его величество. – Мы надеемся, что он вернется с добычей или, по меньшей мере, вынудит Давенпорта убраться за пределы Кольца Эрнани. Но полностью исключить нападение нельзя – пока шел суд, в окрестностях Гальтарского дворца были замечены люди, похожие на кэналлийцев, а разъезды видели за Данаром два крупных отряда...

– Могу ли я сделать вывод, – подался вперед гайифец, – что Давенпорт, вопреки полученным с севера сведениям, жив?

– Увы, – подтвердил сюзерен, – ложными оказались ВСЕ слухи о смерти этого человека. Давенпорт прекрасно знает Ракану, а его наглость не имеет границ. Весьма вероятно, что он один или же с кэналлийцами готовил нападение на эскорт.

Посол Ургота негромко закашлялся, прикрыв рот желтой старческой ладонью, гайифец поправил салфетку.

– Означает ли это, что герцогу Окделлу и виконту Мевену предписано ехать кружным путем?

– Им предписано передать Алву его высокопреосвященству, – Альдо слегка поклонился, – но я не удивлюсь, если они направились в объезд.

– Мимо Доры? – Очнувшийся Рокслей с недоумением смотрел на сюзерена. – Это проклятое место.

– Вы становитесь суеверным, граф, – покачал головой гайифец, – церковь этого не одобряет, не правда ли, ваше высокопреосвященство?

– Церковь не одобряет неуважение к смерти, – поправил кардинал, – но церковь и не отрицает огульно народных примет и поверий. Дора вряд ли опасна нескольким десяткам вооруженных мужчин, но одиноким путникам после захода солнца там лучше не показываться. Что до Давенпорта, то я не могу подвергать жезл Эрнани опасности. Святыня останется в Нохе, пока не станет очевидно, что отряд в сорок человек без особого риска преодолет путь до дворца.

– Если Давенпорт столь опасен, – поежился ургот, – как вышло, что Посольскую палату не предупредили о возмож-

ной засаде? Ведь мы все, повторяю, все ездим Триумфальной улицей.

– Для паники нет никаких причин, – заверил Альдо. – Да, мы отправили генерала Карваля, как наиболее опытного в подобных делах, прочесать юго-восточные предместья, но город не остался без защиты.

– Тогда какой смысл везти Алву в обход? – не понял Габайру.

– Герцог Окделл молод, – улыбнулся сюзерен, – днем он проявил отвагу, сейчас проявляет предусмотрительность.

Какая милая шутка, только что-то в ней не то. И в голосе не то, и в том, как старательно глотается мясо и пьется вино. Альдо не ест, не пьет, не шутит, он делает вид.

– Отвага герцога Окделла принадлежит ему самому. – Левый придвинул тарелку к краю стола. – Но вот кому принадлежит его предусмотрительность? Герцог Эпинэ, не будете ли вы столь отважны, что пошлете к Окделлу гонцов?

– Эпинэ будет предусмотрителен, – ввернул Альдо, – и не станет вмешиваться в чужие дела. Гимнет-тенъент, пошлите курьера к Мевену.

– Это весьма... предусмотрительно. – Кардинал невозмутимо впился в цыплячье крылышко; сюзерен пьяно стукнул по столу и расхохотался, но он был трезвей Левия.

Они о чем-то говорили – Мевен, Спрут и Ворон. Слов Дик не слышал, лиц в свете факелов тоже было не разглядеть, только темные, окруженные закатным ореолом силуэты. Рокэ замер, скрестив руки и слегка выставив вперед ногу, на груди Валентина плясали рыжие блики – мерзавец озаботился надеть кирасу. Мевен то и дело поводил плечами, то ли от чего-то отказывался, то ли разминал затекшие локти.

– Молчите! – Зачем он кричит, им нечего сказать, кроме того, что они правы перед государем и Талигойей.

– Поберегите горло, сударь. Ночь холодная, можете простудиться!

Еще один негодяй, и тоже знакомый, только мундир раньше был другим – красно-белым!

– Предатель!

– В ваших устах это звучит глупо. Посторонитесь!

Оседланные лошади, десятка два и отдельно пара морисков. Серый Придда и вороной... Моро?!

Черный конь, Придд, Ворон, ночь, кровь на камнях – все это уже было, только вместо Старого парка – спящий город, и нет ни Соны, ни пистолета... И это не сон, это все наяву! Выходит, Робер тоже?! Нет, у Моро не было белой звезды на лбу, а Робер – не предатель. Кто угодно, только не Иноходец, иначе его бы не пытались убить!

– К забору! – Нос у капрала сбит на сторону, бровь расщеплена. Война или подлость? – Живо!

Очередной тычок в спину, бессильная ярость, боль в руках... Пьетро подбирает свой балахон, послушно трусит следом, только колокольчика на шее не хватает.

– Тобиаса не видел? К монсеньору!

– За домом глянь!

А факелов стало больше, много больше, и все равно здесь не все. Гвардия у Волн не меньше, чем у Молний и Скал. Если б Нокс взял с собой северян, но он не хотел мести за Люра и поехал один... Бедняга!

– Посторонись!

Несколько всадников срываются с места, исчезают в темноте, а напротив, в десятке шагов, – Алва. Валентин рядом, а Мевена увели. Куда? Что он рассказал? Гимнет-капитан не знает тайных проходов во дворец, а Ворон?!

Сколько же в нем фальши! Молчать и смотреть в окно, изображать проигравшего и ударить в спину! Алве весело, а Спруту – нет, Спруту что-то не нравится, аж в лице переменялся, или это блики? Рыжие блики и боль в руках заполняют ночь, а луна исчезла. Луна забрала Нокса, умылась кровью и растаяла.

Солдат отбросил выгоревший факел, засветил новый, из-за лошадиных спин показался высокий полковник, с ним двое солдат и тенъент из «цивильников». Кто – со спины не узнать, но не предатель, а пленник, шпаги нет, руки связаны.

Высокий присоединился к Придду, и Дик его узнал. Граф Гирке, в прошлом виконт Альт-Вальдер. Этому есть за что благодарить Ворона: свой титул он снял с его клинка.

Гирке четко, как на смотре, отдал честь, Алва знакомо кивнул и протянул руку, в которую предатель и вцепился. Потом вперед вылез цивильник и торопливо заговорил. Факелы осветили исполненное усердия лицо. Этот тенъент ехал за каретой, у него была чалая лошадь. Пустое место, о чем с ним говорить, если только он не шпион, но шпионов не связывают. Значит, трус, как и все, собранные Айнсмеллером. Северяне так не лебезят, если б только они были здесь!

Ворон склонил голову к плечу, он всегда так слушал доклады. Мимо Дика пробежал капрал с корзиной, полной бутылок. Еще бы! Монсеньор потребовал вина, и верные «спруты» добыли, только Алва не оценил, отмахнулся.

Болтун наконец замолчал, и его увели. Алва проводил его взглядом и развернулся боком, брови Валентина сошлись в одну черту. Гирке и безымянный капитан подались вперед, только что рты не открыли. Что-то пошло не так? Вернулся Карваль? Святой Алан, наверняка! Не станет же коротышка гоняться за кэналлийцами ночью! Южане шастают везде, они должны услышать выстрелы!

Ворон что-то сказал, что-то короткое, но Гирке едва не подпрыгнул. Валентин положил руку родичу на плечо и кивнул, Алва усмехнулся и покачал головой: он был уверен в себе, в своих словах, в успехе. «Спруты» переглянулись, и

Дику отчего-то показалось, что речь о нем, но четверо у ворот смотрели на улицу...

Простучали копыта – Тобиас и его двойник подвели коней, в том числе и серого мориска. Выходит, Валентин куда-то собрался, а Ворон?! Великаны загородили стоящих, и Дик рванулся к ограде, он должен был видеть! Капрал ухватил юношу за предплечье, но Дикон даже не оскорбился. Солдаты, пули, смерть были рядом, и их не было. Юноша видел только Валентина и Ворона, Придд отдал честь, Алва ответил привычным небрежным жестом. Прихлебатель и господин, предатель и свихнувшийся убийца... Круг замкнулся, еще один круг! Спруты задолжали Раканам, а заплатили Ворону.

Придд сел в седло, звякнули удила, Тобиас набросил на плечи хозяину плащ. Серый! И шляпа серая. Куда он собрался? Три всадника вылетели со двора, следом рванулся четвертый, тот самый, с Золотой улицы... Варден, так его звали... Рэми Варден из Эпинэ, угостивший в Октавианскую ночь оруженосца Ворона касерой, далеко же он пошел! Тогда чесночник хотел убить Килеана, сейчас предал своего герцога и короля.

Алва прикрыл руками глаза и замер, а где-то на улице с места в галоп сорвались кони, много, не меньше двух десятков... Кэналлиец поднял голову, на темных губах играла та же шалая улыбка, что и раньше. Блеснуло стекло, Ворон запрокинул голову, ловя винную струю. Кэналлийский разбой-

ник, шад, отродье Леворукого, кто угодно, только не зорий!

Сквозь уносящийся к Данару топот прорвался колокольный звон. Десять с четвертью...

Пустая бутылка с дерзким звоном врезалась в решетку, взметнулся и опал стеклянный веер.

– На удачу! – выдохнул капрал, возвращая Ричарда в Нижний город.

Алва, не глядя, потянулся за другой бутылкой. Так же долго, с наслаждением, не отрываясь, он пил после Дарамы, но тогда он еще был человеком, а вдоль Биры цвели сады. Как много мы запоминаем, до поры до времени не зная, что вмерзло в нашу память!

Конский топот стих, треск факелов стал громче, огонь плясал в бутылочных осколках рыжими звездами, обещая свободу. Нужно только исхитриться и подобрать...

– Тихо! – непонятно кому рявкнул капрал.

Ричард вслушался: где-то у Башни Эльвиры раздались выстрелы, потом еще и еще. Затем наступила тишина.

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 19-го дня Зимних Скал

1

– Если вашему высокопреосвященству хочется увидеть Багерлее ночью, мы не станем этому препятствовать. – Альдо вздохнул, словно ментор, отчаявшийся унять воспитанника. – Вас проводит Лаптон и рота гимнетов.

– Не разумнее ли отправить их на поиски пропавших? – предположил кардинал. – Уведомить герцога Окделла о его ошибке я смогу без помощи мушкетеров. С другой стороны, в столицу, воспользовавшись отсутствием Карваля, могут проникнуть головорезы Давенпорта.

– Увы. – Дуайен вздохнул и закашлялся. – Я не очень смелый человек. Мне неприятно ездить ночью по городу, в котором рыщет господин Давенпорт. Ваше высокопреосвященство, нам с вами по пути, я хотел бы присоединиться к вашему эскорту.

– Буду рад. – Глаза кардинала ласково и тревожно взирали на его величество. – Мне кажется разумным объединить усилия по поимке Давенпорта. Я готов передать под начало генерала Карваля часть моих людей, размещенных по настоянию прошлого гражданского коменданта за пределами города. Тех же, кто не будет занят поисками кэналлийских разбойников, я переведу ближе к Нохе, чтобы предотвратить попытку освобождения узника.

– Если поиски, предпринятые генералом Карвалем, не завершились тем успехом, на который мы рассчитываем, – заверил Альдо, – нам останется лишь с благодарностью принять предложение.

Герцог Эпинэ, поскольку гимнет-капитан Лаптон отправляется с его высокопреосвященством, вы, как Первый маршал, принимаете на себя его обязанности. До возвращения Лаптона охрана дворца возлагается на вас и графа Пуэна.

Иными словами, сам сиди на месте и южан держи, но в Багерлее Алву не повезли, это слишком даже для Альдо.

– Государь, я должен принять дежурство у Лаптона.

– Десяти минут вам хватит?

– Вне всякого сомнения. До возвращения Лаптона я останусь в комнате гимнет-капитана.

– Ступайте! – Альдо повернулся к гостям. – Ваше высокопреосвященство, господин Габайру, у нас есть десять минут, и мы потратим их с пользой. Сейчас подадут десерт.

Это был патруль, патруль, нарвавшийся на предателей. Неужели всех перебили? Если солдаты были пешими – скорее всего, а кавалеристы ловят кэналлийцев. Боялись Хуана и прозевали Спрута, но выстрелы ночью разносятся далеко, их обязательно услышат. Левий должен был послать кого-то навстречу, поднять тревогу. Должен... Только их ждали со стороны Триумфальной, там и станут искать в первую очередь, но с кем же была перестрелка?

– Пьетро!

– Да, брат мой?

– Пьетро, солдаты Ле... его высокопреосвященства проверяют окрестности?

Монах удивленно заморгал:

– Солдаты, проводившие нас сквозь земли горящие, стоят за пределами города. Его высокопреосвященство по слову господина твоего взял в Ноху лишь две сотни человек, и мы приняли это с кротостью и пониманием. Плох тот пастырь, что стережется паствы своей.

Две сотни? Дик готов был поклясться, что «серых» в Нохе больше.

– Нас найдут, – твердо сказал юноша, – должны найти.

Полк Халлорана, как же он забыл! Его ввели в город только сегодня и разместили между Нохой и Певанским предме-

ством. Перестрелка вышла с его разездом, а церковники за-
сели вдоль короткой дороги, улицы они не патрулируют...

– Ведите! – скомандовал очередной «спрут», махнув ру-
кой в сторону особняка. За лиловыми спинами стражников
зашевелились дожидавшиеся своей участи гимнеты. Без-
оружные и связанные, они понуро побрели в глубь двора, в
темноту, и Дик потерял их из виду. Мевена среди пленных не
оказалось, и это могло означать самое худшее. Вспомнился
лежащий на земле Нокс, нелепо раскинутые ноги, страшный
след на шее... Отгоняя настойчивое виденье, юноша при-
крыл глаза и поднял голову, пытаясь за деловитой солдат-
ской возней расслышать хоть что-нибудь, но город как вы-
мер – ни крика, ни выстрела, ставень и тот не хлопнет.

– Пошли! – скомандовал кривоносый капрал. Вернулся и
распоряжается!

– Я никуда не пойду, пока не узнаю, где гимнет-капитан
Мевен!

– Пойдешь, – «спрут» бесцеремонно ухватил юношу за ло-
коть, – шевелись! Брат, верхом едешь?

– Если того требует мое служение...

– Требуется. – На монаха кривоносый не смотрел, сосре-
доточившись на Дике. Можно ударить по колену, а потом?
Двор полон «лиловыми», руки связаны, оружия нет... Юно-
ша закусил губу, глядя, как «спруты» садятся на коней и вы-
езжают за ворота. Ни Ворона, ни Гирке, ни Мевена видно не
было, всем распорядился незнакомый капитан в лиловом.

Чужие окрики, связанные запястья, мундир без перевязи и бессилие – это и есть плен...

– Развяжите руки! – Если развяжут, вскочить на крайнего жеребца и вперед, в ночь!

– Обойдешься. Подсадите их!

Первым в седло забросили Пьетро. Тощенький монах покачнулся и смешно вцепился в поводья.

– Не упадешь?

– На все воля Создателя.

– Теперь второго!

Это не Карас, а какая-то кобыла, то ли гнедая, то ли рыжая, в свете факелов не разобрать. Поводья привязаны к чужому седлу... К седлу кривоносого! Проклятье...

Капрал проверил пистолеты, что-то буркнул и тронул коня. У решетки призывно блеснули бутылочные осколки, кобыла переступила с ноги на ногу и послушно потрусилась за поводырем.

3

Люди, лошади и карета растаяли в ночном городе, а сюзерен ужинает. Не бросается на стены, не рычит, не трясет гимнетов, а кушает желе. Потому что знает, куда делись Дикон с Мевеном, не ждет их и не хочет, чтобы их нашли. Потому он и от Карваля избавился.

– Монсеньор, – порученец графа Пуэна тяжело дышал: надо полагать, бежал бегом если не из Нохи, то по дворцу, – из Старого города они выбрались, а дальше как корова языком... Люди Левия никого не видели, кажется, так и есть.

– Откуда ты знаешь, что они добрались до Нового? Шадди хочешь?

– Расспросил горожан, – улыбнулся тенъент, – нам открывают.

– Шадди будешь, спрашиваю? – Да, южанам открывают, и это еще пригодится.

– Спасибо, монсеньор, если можно, вина... Холодно!

– Возьми у гимнетов. Окделл свернул к Доре?

– К Тополиному проезду, там их в последний раз и видели. Люди огни гасят, но не спят – трясутся, а тут такое на улице. Ясное дело, сразу к окнам.

– Значит, до аббатств ничего не случилось?

– Ехали спокойно, как положено. Факельщики, цивильники, гимнеты вокруг кареты, герцог Окделл – сразу за факельщиками, Мевен возле дворца. Свернули в Тополиный, я думал, они у Доры вынырнут или у святого Хьюберта. Не было их там, и на Железной не было.

В старых аббатствах не живут, там свидетелей не будет, разве что нетопыри, но Дикон никогда не убьет пленника. Сильного, непобедимого, удачливого врага – да... Чтобы спасти друзей и свою любовь, но любовь теперь за Ворона. Катари Алву не обвиняет, Дик не может это не понять, а Ме-

вен... Мевен не мерзавец, не дурак и не убийца. Виконт везет, раз уж его оседлали, но подлость такому не поручат, это не Люра.

– Согреешься, возьмешь две дюжины солдат. Проедешь Новым городом по кромке аббатств, потом – по городу Франциска, где-то они должны были выехать.

– Да, монсеньор. – Радости в голосе не чувствовалось: еще бы, опять из тепла да в холод. – Только зря они туда сунулись... Кони туда по ночам идти не хотят, помните, третьего дня?

– Помню.

Нечисть не виновата. Сорок человек с лошадьми и каретой она не сожрет, это людские игры, но Альдо отослал Карваля утром, когда не сомневался в приговоре. С утра убийство было ни к чему, ведь Алву собирались казнить. Тогда чем мешал маленький генерал? Сюзерен затеял похищение? Решил вытрясти из кэналлийца меч и гальтарские тайны? Абсурд. Ворон ничего не скажет, уже не сказал, как Морен ни старался! И вообще похищение – лучший способ раздуть слухи. Те самые, что его величество желает пресечь. Показать Алву послам и дать ему исчезнуть? Эта даже не глупость, это безумие, и вдвойне безумие – выбрать в подручные Дикона и пустить в карету монаха, каким бы бараном тот ни был.

– Господин Первый маршал, – уже полуночный гимнет торопливо отдал честь, – в городе Франциска слышали выстре-

лы.

– Где? И кто?

– Где-то за Желтой площадью.

За Желтой?! Чесать левой ногой за правым ухом умнее, чем ехать в Ноху через Желтую, но все-таки...

– Едем! – Робер потянул с кресла плащ. – Поднимайте Пуэна.

– Куда это ты собрался? – Сюзерен стоял у дальней двери. – Ты сейчас гимнет-капитан, твое место при мне, а я никуда не еду.

– У Желтой площади стреляли.

– Мы знаем. – Альдо зло глянул на гимнета, и тот вышел, но южанин остался – глядел на «Монсеньора» и ждал приказа.

– Идите, тенъент.

– Что он тут делал?

– Докладывал. Люди видели, как Дикон свернул к старым аббатствам. Альдо, Лаптон вернется с минуты на минуту, с тобой останется Пуэн, а я найду Дика.

– Дикон сам найдет. – Альдо зевнул, но спать ему хотелось не больше, чем Роберу. – И с чего ты взял, что они у Желтой? Ты бы еще за Данаром искал.

– Там стреляли.

– Солдаты передрались, или вора ловили. Да прекрати ты дергаться, не кардинал. Давай лучше о твоей свадьбе поговорим. Я обещал тебя отпустить после суда, ну так я тебя

отпускаю. Сколько тебе нужно времени?

– Не знаю. – Отпускаешь или выгоняешь? – До Надора неделя, там еще одна и назад три. Зимой с каретой и женщинами быстрее не выйдет.

Выстрелы в ночи, там, где не ждали, не искали, не думали... Дику не нужно быть убийцей, достаточно из осторожности свернуть, куда хорошие люди подскажут, а дальше – дело «Давенпорта».

– Альдо, я должен найти Дикона, – сейчас все и решится, – и я поеду.

– Нет, – отрезал сюзерен, отсекая надежду, – ты мне нужен здесь, Окделл мне нужен там, а Ворон мне не нужен вообще...

И поэтому ты его убил или убиваешь?! Роберу показалось, что он прокричал это вслух, но вокруг мирно горели свечи, а его величество поправлял манжеты и сыто улыбался. Все уже произошло, изменить ничего нельзя, остается ждать известий, прося неизвестно кого, чтобы все стало не так!

4

Глаза пленным не завязали, но толку от этого было мало: в городе Франциска Ричард бывал нечасто. Днем он бы еще смог отыскать улочку, где жил Наль, но темнота превращала мешанские домишки в отражение друг друга. Фонарей

не было, только в окнах оставшейся справа церкви мелькнул теплый мягкий свет. Что это была за церковь, Дикон не знал, не знал он, и который час, в голове все спуталось, даже плывущие над головой звезды стали незнакомыми. Юноша попробовал отыскать голубую Ретаннэ ⁵, но впереди ее не было, а крутиться в седле Дик бросил после первого же окрика.

Если не можешь ни ответить, ни сбежать, остается смотреть вперед, не замечая окруживших тебя мерзавцев. И Дикон смотрел на дорогу, на круп идущего впереди коня, на висящие над коньками крыш созвездия. Было тихо и пусто – ни горожан, ни воров, ни стражников, только пару раз перебежали дорогу загулявшие коты.

Отряд шел на рысях, шел уверенно, чтобы не сказать нагло. Кто его вел, было не разглядеть, но Дику казалось, что Ворон: Гирке бы действовал осторожней – обвязал бы лошалям копыта, пробирался задворками, а не гнал напрямую, понять бы еще куда. О том, что случилось с Мевеном, Дикон старался не думать, но надежда еще раз увидеть гимнет-капитана растаяла, когда их с Пьетро вбросили в седла и потащили со двора. Будь виконт жив, он был бы с ними.

Взявшись за гимнет-капитана, Спрут просчитался, хотя выбора у него не было: Пьетро знал только молитвы, а Окделла Придд никогда ни о чем не спросит. Если б не Ворон, Валентин бы со своим врагом уже расправился, но Алва рассудил иначе. Почему? Переманить Повелителя Скал на свою

⁵ «Нос Корабля» – звезда, указывающая путь на север.

сторону он не рассчитывает, допроса не было, значит, взяли в заложники. Скоро Альдо придется выбирать между жизнью друга и смертью врага. Сюзерен выберет друга и погубит империю: без меча Раканов и древнего знания с Вороном не совладать. Как ни дорога жизнь Повелителя, Золотая Анаксия дороже.

Где-то впереди раздался оклик. Патруль?! Наконец-то! Юноша плотнее сжал лошадиные бока, если б не привязанный к седлу кривоносого повод... Движение застопорилось, солдат ухватил под уздцы лошадь Пьетро, темные всадники сомкнулись вокруг пленных. Сколько в патруле человек, как далеко они от казарм? Если это цивильники, толку не будет, но набранный Айнсмеллером сброд не рискнет остановить отряд... Это южане или кавалеристы Халлорана!

Оклик повторился, он звучал спокойно и дружелюбно. Незвестный офицер ничего не знал, для него лиловые всадники были слугами одного из знатнейших вельмож Талигойи. Друзьями.

Дикон пошевелил связанными руками, за время пути веревки ослабли, но освободиться не получалось. Оставалось одно – закричать, и будь что будет! Альдо доверил им с Мевеном самого страшного своего врага, Мевен погиб, Алва почти на свободе, но из города ему не вырваться!

Каменные пальцы сдавили горло внезапно и сильно, юноша дернулся, судорожно разинул рот и едва не поперхнулся отвратительной жесткой тряпкой.

– Только вякни, – кривоносый что-то с силой затынул на затылке, – в глотку пропихну.

Сухой комок раздирал рот, горло свело, из глаз хлынули слезы. Не от страха, не от злости – от боли. Дикон попытался вдохнуть, но грудь и шею сдавило, как во время гусиной ⁶ лихорадки. Юноша опустил голову, пытаясь хотя бы немного вытолкнуть тряпку, сквозь удушье и звон в ушах донеслось равнодушное:

– Именем государя. Кто идет?

– Граф Гирке. Приказ Повелителя Волн.

– Проезжайте.

⁶ Детская болезнь.

Глава 10

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 19-го на 20-й день Зимних Скал

1

Лаптон наконец-то вернулся. Теперь в гимнетной торчал он, а Первый маршал Великой Талигойи любовался королевским кабинетом. Пустым. Сюзерен и друг куда-то выскочил, на прощание лихо подмигнув. Альдо был рад и счастлив, как всегда, когда удавалось кого-то облапошить, хоть Хогберда, хоть очередную вдову или ростовщика. Как же это было весело, пока не стало страшно.

Эпинэ прикрыл ладонями глаза, глазам стало легче, а память со всего маху саданула под ребра. Нельзя стать глупее глупца, упрямей упрямца и подлее подлеца, они с Карвалем попробовали и продули, а что теперь? Доиграть или опрокинуть стол? Ворон бы доиграл, но он умеет. Умел...

Дверь грохнула так, словно в нее вломился осенний лось, но это был всего лишь король.

– Ты опять прав, – объявил его величество. – Проклятье! Все гораздо серьезней, чем казалось...

Сейчас поднимет гарнизон, затопает ногами, потребует достать из-под земли. Теперь это можно, теперь надо утопить улики в воплях и возне. Что ж, представление продолжается!

– Что случилось? – Хорошо, Альдо носится из угла в угол, смотреть ему в глаза нет сил.

– Они в самом деле исчезли! – рявкнул сюзерен. – Все сроки вышли, а их нет. И в городе в самом деле стреляли!..

– Это известно второй час, – не выдержал Робер, – что изменилось?

Если не считать того, что тебе донесли об исполнении и ты изволишь гневаться. К кардиналу с дурной новостью сам поедешь или пошлешь глупого маршала?

– Говоришь, что изменилось? – окрысился сюзерен. – Ничего, только все сроки прошли! Все! Я тоже не железный, но анакс не может квохтать, как курица. Я ждал, потому что ничего НЕ МОГЛО произойти, а они пропали.

– Я сейчас разошлю разъезды.

– Гони всех, – разрешил Альдо, – то есть столько, сколько нужно. И держи в запасе резерв. Разрубленный Змей, этого быть не может!

– Всех? – хмыкнул Иноходец. – Откуда мне знать, кто в городе, а кто – нет. Халлоран мне не докладывался, и только ли он?

– Ну извини, – отмахнулся его величество, – это я ему

велел. Хотел сделать сюрприз его высокопреосвященству...

– Мой государь, – вбежавший гимнет-тенъент явно понюхал монаршего гнева, – срочный курьер к Первому маршалу от полковника Халлорана.

– Сюда его! – Сюзерен повернулся к Роберу: – Хоть что-то кстати!

– Халлорана ты поставил у Нохи. – Робер уже ничего не понимал, но Альдо не врал. Он был вне себя, не хватало только мертвого гогана у камина.

– Мой маршал, – начал гонец и переменялся в лице, увидев у окна сюзерена. – Мой государь, полковник Халлоран доносит, что два эскадрона вверенного ему полка преследуют отряд, предпринявший попытку отбить герцога Алва. Третий эскадрон перемещен непосредственно к Нохе и готов к бою, четвертый остается в резерве.

– Разрубленный Змей! – Альдо шумно вздохнул и бросился в кресло. – Кого преследуют? Где? Что вообще происходит?

Замечательный вопрос и какой своевременный.

– Суб-тенъент, – Робер довольно ловко оказался между высочайшим креслом и гонцом, – рассказывайте по порядку. Вы слышали выстрелы? Если да, то где и когда?

– Немногим позже десяти. Я только принял дежурство, – поняв, что от него требуется, кавалерист успокоился, – стреляли довольно далеко и скоро перестали, но я доложил полковнику. Он поручил подготовить два разезда, и тут снова

началась стрельба, быстро смещавшаяся в сторону Данара. Полковник велел выслать разьезды и поднять дежурный эскадрон.

– Что вы нашли? – Альдо и хотел бы не торопить, не получалось.

– Мы не успели выехать, потому что прибыл герцог Придд.

– Закатные твари! – Сюзерен был поражен не меньше Робера. – Что он делал у Нохи?!

– Ехал на исповедь, – с готовностью объяснил гонец, – услышал выстрелы, поскакал туда. Оказалось, у площади Трех Дроздов кэналлийцы напали на отряд, везший в Ноху Алву. Эскорт атаку отбил, началось преследование.

– Кто был с Приддом?! – Нет, Альдо не притворяется, а гонец?

– Двое гвардейцев, очень больших, и раненый тенъент.

– Раненый?

– Легко. Герцог Придд был без шляпы и очень торопился... Он потребовал полковника.

Потерять шляпу может каждый, даже Спрут, шляпу – не самообладание!

– Вы его узнали? Я имею в виду Придда...

– Да, господин Первый маршал. И полковник узнал.

– Что Придд еще сказал?

– Что разбойники уходят за Данар, их преследуют, надо помочь гимнетам и цивильникам и отрезать беглецам путь.

Сам герцог Придд передал своих людей под командование капитана Мевена.

Что Валентин делал у Нохи, да еще со «своими людьми»? Уж всяко не исповедовался! *«Вас следовало не судить, а убить...»* Спрут перехватил добычу у Зверя? Или спугнул?

– Где Придд сейчас?

– Отбыл предупредить его высокопреосвященство.

– Вы не спросили, где герцог Придд потерял шляпу? – не выдержал Эпинэ. – Было б неплохо ее отыскать.

– Вероятно, во время нападения. – Суб-тенъент с удивлением посмотрел на Первого маршала. – Господин полковник не счел возможным тратить время на поиски.

– И был совершенно прав, – у сюзерена хватило выдержки на небрежный жест, – гимнет-тенъент о вас позаботится.

В кого целил Спрут, в Окделла или в Алву? Или Леворукый вновь вмешался и спас своего любимца от «кэналлийцев» Люра? А вдруг это Карваль? Решил не дожидаться казни, он ведь не знал, что ее не будет.

– Ваше величество, – король королем, но свой полковник страшнее, – я должен получить приказания.

– Они будут, ступайте. – Сюзерен рванул цепь, но ювелиры сработали на совесть. – Я не знал, что наша медуза спелась с Левием...

– Придда может понять только Придд, – слова Ирэны сами стекли с языка, – но в кэналлийцев он играть не станет.

– Хватит гадать! – Альдо вскочил, словно под ним что-

то загорелось. – Поднимай гарнизон, гимнетов, «спрутов», закатных тварей!..

– Гонять полки ночью, наугад – дурь несусветная! – Как просто врать, когда врешь правду. – Надо сначала разведать... Я верю только южанам, а они по твоей милости...

– Я же сказал уже, что ты прав, – огрызнулся Альдо. – Сколько можно душу мотать?! Посылай разьезды, а остальных держи наготове. И пусть знают: кто притащит Ворона хоть живого, хоть дохлого, станет генералом и богачом! Больше никаких судов и никаких кардиналов... Хватит с меня этой гадины, слышишь?!

2

Дома стали ниже, превратились в домишки, мостовая исчезла, а с ней и цокот подков, потянулись заборы, перешедшие в заросшие высохшим придорожником пустыри. Окраина! Они добрались до окраины, и ни один мерзавец не заметил, не узнал, не остановил!

Капрал на пленника не смотрел, и Дик торопливо завертел головой, пытаясь понять хоть что-то. Вблизи Ворот Роз особняки и сады, у ворот Лилий – церкви, возле Конских дом лепится к дому, остаются Козьи и Ржавые. Которые из них? И что собирается делать Ворон? Штурмовать ворота? Лезть через стену? Ясно одно – они уходят из города, значит,

жизнь сюзерена в безопасности.

Кобыла, на которой сидел юноша, споткнулась. Ничего страшного, но кривоносый вспомнил о своих обязанностях, пришлось снова пялиться вперед. В свете факелов мелькали разбитые бочки, кучи земли, проржавевший котел и что-то темное, над чем трудились бродячие псы. Один, светлый и кудлатый, поднял бородатую морду и зарычал. Капрал замахнулся, пес, не переставая рычать, отступил в темноту. И снова конская рысь, пустота, холод и неизвестность; знакомое небо и чужая земля. Так бывает во сне, только это не сон. Спереди потянуло теплым смрадом, словно по лицу провели грязной простыней; заколыхалась, заплясала белая муть, раздалось журчанье. Поганый канал! Летом тут задыхаются от вони, потому вдоль него и не селятся.

Отряд перебрался через широкий – две телеги разъедутся – мостик, за горами мусора черной полосой встала стена, к которой жалась дорога. Всадники перестроились, теперь они ехали по трое в ряд. Дика притиснули к старой, неровной кладке, нога раз за разом чиркала по камню, и прикосновения эти отзывались непонятным темным страхом. Это место, эти камни... Они не были добрыми, ведь их бросили...

Ржавый форт возвели еще до Франциска, потом крепость стала не нужна, но бóльшая часть стен уцелела. Сюзерен собирался осмотреть остатки форта, не успел... Неисполненный долг сдавил горло не хуже кривоносого. Если б не ненависть, Дик зарыдал бы от бессилия, но «спруты» плачуще-

го Окделла не увидят. Он не Фердинанд Оллар и не станет ползать на коленях перед врагами Талигойи, но правом последнего желания воспользуется. Чтобы написать сюзерену и попросить прощения за ошибку, пусть ошибка и не его.

Сколько раз он говорил и Альдо, и Роберу, что Валентину нельзя верить, но его не слушали. Даже после того, как открылось предательство Эктора, Альдо думал, что Спрут его не предаст, потому что не может вернуться к Олларам. Сюзерен не желал слушать про Джастина, а зря. Придд кинулся не к самозванному регенту, а к любовнику братца. Вместе с Вороном его примут с распростертыми объятиями, и страшно подумать, что начнется, когда в руках у Алвы будет армия.

Звон подков заставил вздрогнуть. Пустыри кончились, кони вновь шли по мостовой, а вокруг теснились дома, мелькнула пара фонарей, и кавалькада выбралась к надвратным башням, в которых дрыхли ничего не подозревающие стражники. Нет, не дрыхли!

Увидев фигуры в кирасах и с факелами, Дикон не поверил собственным глазам. Цивильники застыли двойной шеренгой, загородив проезд, они намеревались исполнить свой долг до конца. Святой Алан, что за дурак ими командует, что за отважный дурак! Надо заклинить решетку и засесть с мушкетами на лестнице и верхних площадках, а они спустились. Дюжина против полусотни!

Офицер цивильников вышел вперед, подняв шпагу в при-

ветствии. Он не дурак. Он, как и те, из патруля, ничего не знает. Гарнизон подняли по тревоге, не сказав, кого опасаться, для стражи лиловые стрелки по-прежнему свои!

Дик изо всей силы саданул шпорами по лошадиным бокам. Кобыла с громким ржаньем рванулась вперед, кривоносы́й перехватил повод, но было поздно, цивильники увидели связанного пленника в комендантском мундире и... расступились, освобождая проход к воротам. Решетка скрипнула и поползла вверх, под шляпой с белыми перьями мелькнуло знакомое лицо. Так вот куда ускакал Рэми Варден!

3

Дювье вернулся к двум и привез серую шляпу, пробитую пулей. Шляпу отыскиали там, где говорил Придд. Самого Придда сержант не нашел ни в Нохе, ни дома.

– Ворота никто не открыл, – объявил южанин, водружая трофей на стол, – мы только что лбами не стучали – никого, чисто передохли. Ну, мы вроде как отъехали, а потом вдвоем с Анри на стену влезли. Пусто там, дом нараспашку, ветер так и свищет, и никого, только кошки шастают!

– Хорошо смотрел?

– Как сказать... Торопился, конечно, но ясно – ушли «спруты». Не сбегли, а ушли. Я ж был там, когда они с Окделлом друг друга попортили, помню...

– Что они оставили?

– Да, почитай, все... Только картины поснимали, ну и мелочь всякую, а так все на месте. Я письма привез, на столе лежали. Под этой, змеехвостой... Ее мы тоже прихватили...

– Зачем?

– Сами не знаем, – признался сержант, – жалко стало... Ну вроде как собаку бросить.

– Давай письма. – Шелковистая дорогая бумага показала горячий, и написано на ней было не так уж и много:

*«Подняться из глубин, поднять забрало,
Вздохнуть всей грудью, принимая бой
Как просто встать над смертью и судьбой —
Подняться из глубин, поднять забрало,
Отдать долги и стать самим собой,
Не забыв о тех, кого не стало
Подняться из глубин, поднять забрало,
Вздохнуть всей грудью, принимая бой .*

С наилучшими и наилучшими пожеланиями остающимся.

Валентин, герцог Придд.

400 год К.С. Ночь с 18-го

на 19-й день Зимних Скал.

P.S. Я не объявляю о кончине графа Медузы, так как не сомневаюсь, что он воскреснет еще не единожды, как вос-

крес в моем обличи после отъезда Удо Борна. Смех не умирает, как не иссякают слезы. В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери, они оплакивают смелых и поют избранным. Они помнят многое, и они еще заговарят.

P.P.S. Все, что находится в этом доме, с соблюдением всех возможных формальностей передано в управление кардиналу Талигойскому и Бергмаркскому Левию и предназначено для оказания помощи родным и близким жителей столицы, как погибших в Доре, так и казненных теми, кто осуществлял власть внутри Кольца Эрнани начиная с 1-го дня месяца Осенних Волн 399 года К.С.

Дарственная, находящаяся у дуайена Посольской палаты, подписана мною 16-м днем З.С. 400 года, то есть за два дня до того, как я, будучи в здравом уме и твердой памяти, сделаю то, что г-н Альдо-в-Белом и г-н Окделл сочтут предательством, а я полагаю исполнением своего долга и жизненной необходимостью. Позволю себе напомнить, что согласно всем действовавшим и действующим в Золотых землях законам имущественные распоряжения, сделанные до того, как распорядившийся совершил нечто, что может быть вменено ему в вину, остаются правомочными».

– Август! – Высунувшаяся из-за кустов рожа скользнула глазами по Дику и Пьетро и ослабилась при виде кривоносого. – К полковнику!

Капрала звали так же, как графа! Ричард сцепил зубы, сдерживая захлестывавшую разум ненависть, а та рвалась наружу горным селом, с каждой секундой набирая силу и ярость. Дик понимал, что еще немного, и он сорвется, как сорвался с Эстебаном. Если б не связанные руки, он бы уже дрался, но здравый смысл и мерзкий тряпичный привкус в пересохшем рту пока пересиливали. Когда, разминувшись с патрулем, «спруты» вытащили кляп, Дик не понимал, ни куда они заехали, ни чего ждут, он просто жил – дышал, облизывал губы, сглатывал. Потом захотелось воды и хотелось до сих пор, очень хотелось, но просить он не станет никого и никогда!..

– Держи! – Кривоносый Август равнодушно отцепил кобылу Дика от своего коня, перебросил поводья соседу, чихнул и исчез в темноте, сквозь которую доносился отдаленный стук копыт. Кто-то очень торопился, и вряд ли это был друг, друзья ничего не знают, разве что Левий поднял тревогу, но поднял ли? Святоша изо всех сил выгораживал Ворона, узнав о нападении, он мог промолчать.

Булькнуло. Оставшийся с пленниками солдат вытащил

флягу и присосался к горлышку. Ричард прикрыл глаза, но заткнуть уши было нечем, а «спрут» булькал, как утка.

– Брат мой, – напомнил о себе Пьетро, – мы тоже хотим пить.

Только пить? А в Октавианскую ночь он еще и есть хотел. Как «брат Пьетро» смотрел на преосвященного, когда тот отказался за себя и своих монахов от завтрака.

– Умерщвляя нашу плоть, мы питаем наш дух, – не выдержал Дикон. – Так говорил преосвященный Оноре. Так он В САМОМ ДЕЛЕ говорил.

– Преосвященный был свят, – Пьетро потупил глаза и взял у «спрута» флягу, – а я всего лишь исполненный скверны комок плоти. Благодарю, брат мой.

Стрелок пожал плечами:

– Напьешься, этого своего напои.

– Окделлы ничего не возьмут из рук предателей, – Дикона трясло от отвращения, – а ты... Ты лгал про преосвященного по приказу Левия.

Утром Дик еще сомневался, теперь сомнения рассеялись: Пьетро показал то, что ему велели, его клятвы ничего не стоят. Все было так, как говорит Салиган, вор оказался честнее монаха!

– Воин, не суди этого человека строго, – попросил Пьетро, – сердце его плачет, а уста не ведают, что говорят. Я молюсь, чтоб на него снизошел покой.

– Повелителю Скал не нужны эсператистские молитвы!

– Прости тебя Создатель, как я прощаю. – Монах вернул флягу и взялся за четки. Чужие кони били копытами совсем близко. Вспыхнули факелы, четверо «спрутов» выехали на дорогу, подавая сигнал. Так и есть, подъезжающих ждут.

Жажда становилась нестерпимой, но холод был еще хуже, плащ не грел, а шляпа потерялась при нападении. Ричард несколько раз повел плечами и попытался свести лопатки. Стало теплее, но ненамного. Придорожная рощица, в которой они задержались, выстыла насквозь – Зимние Скалы брали свое. Самый холодный месяц. И самый темный.

Конский топот, бегущие волчьи огни... Опять! Кто на этот раз? Дикон развернулся в седле навстречу рвущим тьму факелам.

– Стоять! – Солдат со злостью дернул повод, лошадка Дика испуганно всхрапнула и шагнула назад, ошалело завертел головой Пьетро. Пятна света выросли и расплылись, мелькнули быстрые тени – факельщики, пара «медведей», Придд без шляпы, снова факельщики, солдаты... Человек двадцать. Дикон замер, надеясь услышать шум погони. Тщетно: за Спрутом не гнался никто, кроме тишины.

5

– Где они?! – в четырехсотый раз рыкнул Альдо. – Где эти недоумки?!

– Успокойся. – Эпинэ отодвинул шторы и глянул на звезды, хотя во дворце от часов не было житья. – Вина хочешь?

– Нет! – Сюзерен пулей пролетел от гобелена с голенастыми цаплями к гобелену с пышными лебедями. – Сколько раз тебе говорить, что нет?!

– Столько же, сколько спрашивать, где они. Успокойся, Халлоран и «спруты» у них на хвосте висят, догонят.

– В предместьях?! – Сюзерен уткнулся носом в лебединый зад. – Мне плевать, что переловят слуг, если Ворон удерет!

– Есть еще Дикон – Дикон, который может надеяться разве что на милость Ворона, потому что Придд ему не заступник, – и Мевен.

– Да помню я. – Альдо отвернулся от гайифских птичек. – Пусть только объявятся, придушу!

– Объявятся, – покривил душой Иноходец, – куда им деваться? А Ворон с охраной наверняка где-то в городе. Не тащить же его с собой.

– Разрубленный Змей! – От спокойствия Альдо осталась одна скорлупа, и та разбитая. – Когда наконец рассветет?!

– Нескоро. – Эпинэ удалось зевнуть. – Может, ляжешь? Все равно сейчас ни кошки не найдешь.

– Левий велел передать, что молится за исполняющих свой долг. – Сюзерен топнул ногой, но холтийский ковер проглотил звук, как жаба комара. – Молится! Лицемер проклятый! Это он все затеял, к астрологу не ходи!

– Ничего он не затеял! – Только драки с кардиналом сей-

час не хватало. – Левий чуть на стенку не лез, когда они пропали. Это ты у нас блистал спокойствием, а я тебе завидовал.

– Анакс должен быть спокойным, – огрызнулся Альдо. – Особенно при всякой швали, и потом, я и подумать не мог...

Что Придд уведет Ворона из-под носа твоих убийц, а ты ему поможешь? Разумеется, не мог.

– Ложись, – повторил Эпинэ, – и я прилягу. Утром все найдутся. Халлоран – хороший вояка, да и Придд подоспел вовремя.

– Вызови его! – потребовал сюзерен. – Траур не траур, а побегать ему придется, будь он четырежды Повелителем!

– Сейчас Дювье пошлю. – Вот и повод найти письмо еще раз. – Заодно и шляпу вернет. Жильбер, что-то новое? Простите, ваше величество, позвольте!

– Не до этикета! – Альдо шумно втянул воздух. – Сэц-Ариж, есть новости?

– Да, ваше величество. Халлоран прислал курьера. Он на южном берегу. Жители видели каких-то всадников, они галопом шли к Барсине. Если это так, они должны встретить Карваля.

– Ну, хоть что-то. – Альдо наконец-то разжал кулаки. – Если Ворона схватит Карваль, никуда не денешься, сделаю его маршалом.

Никола Ворона не поймает, но Придд что, с ума сошел? Зачем им юг? Или так решил кэналлиец?

– Ваше величество, – запыхавшийся Лаптон внезапно на-

помнил Реджинальда Ларака, – ваше величество. Их нашли!

– Где? – Сюзерен едва не схватил гимнет-капитана за грудки. – Где?!

– Герцог Окделл жив? – Не спрашивать о Вороне и о Придде тоже...

– Окделла там не было...

– Где Алва?!

– Ваше величество, нашли только гимнетов и солдат... В погребке у Желтой площади. Они говорят, на них напал герцог Придд.

– Где Ворон?!

– Ваше величество... О герцоге Алва, равно как о герцоге Окделле... ничего неизвестно...

6

Факелы высветили черно-белую перевязь, сверкнули в камнях эфеса, отразились в глазах мориска. Теперь Дик видел, что вороной заметно крупней Моро. Сколько за него отвалил Спрут, было страшно подумать, но выслуживаться так выслуживаться.

– Вот они, все трое, как вы хотели, – доложил граф Гирке.

– Благодарю. – Ворон скользнул взглядом по лицу Дика, слегка усмехнулся при виде Пьетро, кивнул Мевену и задумался, знакомо наклонив голову.

– Мевен! – шепнул юноша. – Где вы были? Я боялся худшего.

– Я жив, – невпопад буркнул гимнет-капитан, – чего и вам желаю.

Да, они живы, но надолго ли? И что теперь? Ричард торопливо огляделся. Факелов было немного, но для того, чтобы рассмотреть готовый к выступлению отряд, света хватало. Придд собрал, самое малое, полтысячи человек, а в засаде участвовало не больше сотни. Чем в это время занимались остальные, было очевидно. Придд, как и положено Спруту, перекрыл все подступы к Нохе. Какую бы дорогу они с Ноксом ни выбрали, она вела в ловушку, разве что на Триумфальной подоспела бы помощь, и то если кардинал не в заговоре.

– Мевен... Это не мы ошиблись, они были везде, понимаете, везде.

– Ричард, потом....

Если оно только будет, это потом! Придд с Вороном выбрались из города, в темных полях их не найти, а хотя б и нашли! Полтысячи лиловых и Ворон – это больше двух тысяч чесночников с Карвалем. Зверь вырвался из клетки, назад его не загнать, а кинжал Алана у какого-то «спрута», и руки связаны.

– Господин Первый маршал, – Валентин успел надеть шляпу и расправить воротник, – все готово, можем выступить.

– Прекрасно, – Ворон развернул вороного, на конском лбу виднелась белая отметина, – но сперва уладим формальности. Герцог Придд, вы понимаете, что Талиг находится в состоянии войны? Если вы примете сторону Олларов, вам придется стать офицером Северной армии.

– Да, монсеньор, – вильнул хвостом Валентин, – мы готовы.

– Очень хорошо, – похвалил предателя Алва. – Вы присягнули господину в белом?

Валентин еще больше выпрямился в седле. Ну почему он слишком близко, чтобы слышать разговор и слишком далеко, чтоб вмешаться?!

– Монсеньор, я присягал в Лаик. – Спрут говорил громко, громче, чем нужно. – После окончания службы у маршала Рокслея я должен был вновь присягнуть Фердинанду Второму, но Генри Рокслей не успел представить меня к офицерскому чину.

– Его величеству Альдо Первому присягал я! – выкрикнул Дик. – И я буду ему верен до конца!

– На здоровье, – пожал плечами Ворон, – от присяги оруженосца я вас освободил, делайте со своей верностью, что хотите.

– Герцог Алва! – Сейчас самое время решить все раз и навсегда. – Я зову вас на линию! Немедленно, здесь, сейчас! А потом вашего Спрута!

– Юноша, – поморщился Алва, – прекратите говорить

пошлости, вы не в Высоком Суде. Герцог Придд, вы присягали господину в белом? Да или нет?

Опять! Святой Алан, опять! Оскорбления со скамьи подсудимых еще можно терпеть, узник только и может, что огрызаться, но сейчас Алва свободен. И оскорбляет государя перед его вассалами. Пленными!

– Не смейте оскорблять короля в моем присутствии! Вы будете драться, герцоги? Будете или нет?!

Придд спокойно положил руку на эфес шпаги:

– Монсеньор, я присягнул моему королевству и моему королю. Мое королевство – Талиг, имени своего короля в настоящее время я не знаю.

– Хорошо, – Алва смотрел только на Валентина, – как регент и Первый маршал Талига признаю принятую вами присягу правомочной. Полковник Придд, ваш полк, к которому также будут приписаны все, кто к вам присоединится во время марша, поступает в распоряжение маршала фок Варзов. Приказ о вашем производстве – у графа Гирке, вместе с другими бумагами.

– Да, монсеньор, – нет, это не человек, это какая-то бочка льда и грязи, – моя жизнь и моя честь принадлежат моему королю и моему королевству.

– Вы понимаете, что с этой минуты подчиняетесь всем моим распоряжениям, а также распоряжениям всех, кто старше вас по званию?

– Понимаю.

– С этим все. Монах Пьетро должен вернуться в Ноху, а герцог Окделл прогуляется до Кольца Эрнани, где его заберут те, кто за ним явится. О времени и месте передачи следует договориться с герцогом Эпинэ.

– Вы полагаете, общество Окделла избавит нас от дорожных неприятностей? – уточнил Спрут.

– При определенных условиях, – усмехнулся Алва. – На чувства господина в белом я не рассчитываю, но Эпинэ предпочитают видеть друзей живыми. Брат Пьетро, вы передадите письмо?

– Если Создатель не оставит меня своей милостью и проведет сквозь Тьму, – промямлил монах, теребя жемчужины, – я с радостью передам послание.

– Брат Пьетро, вы, как я понял, уже спасались из бездны огненной и пасти львиной, спасетесь и сейчас, – заверил Ворон. – Впрочем, кто-нибудь вас проводит. Полковник Придд, пишите Эпинэ, и выступаем.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Папесса ⁷

*Как естественна и вместе с тем как обманчива
вера человека в то, что он любим!
Франсуа де Ларошфуко*

Глава 1

Надор. Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 19-го на 20-й день Зимних Скал

⁷ Высший аркан Таро «Папесса» («Великая Жрица»), «La Papesse». См. примечание к «Лику Победы», часть 2. Карта символизирует духовную мудрость, терпение, молчание, глубокое познание и понимание вещей видимых и невидимых; мудрость женского естества, сильную интуицию. Карта означает, что вы пытаетесь понять высший смысл чего-либо, ищете скрытые факторы, влияющее на ситуацию. Смело вскрывайте тайны будущего, но относительно собственных намерений храните молчание. ПК: недостаток проницательности и предвидения, поверхностные знания, самонадеянность, игра на «авось», непонимание противоположного пола. Может означать плотские страсти либо предупреждать о близкой опасности.

Аглая Кредон томно улыбнулась, провела по щекам кроличьей лапкой, взяла с туалетного столика букетик анемонов и завыла, задрав стареющее личико к потолку, на котором красовалась прибитая гвоздями луна, а вокруг серебристым обручем кружила моль. Подчиняясь маменькиному вою, серые бабочки то приближались к приколоченному светилу, то отступали, а Аглая прижимала к окутанной взбитыми кружевами груди цветочки на бледных жирных стеблях и выла, выла, выла...

– Совсем выстарилась! – прошипела ошалевшая от маменькиной выходки Луиза и проснулась. Госпожа Кредон исчезла, луна и вой – нет. Острые злые лучи процарапали залепивший стекла снег и ворвались в замок, неся на себе собачьи рыдания. Казалось, все псы Надора оплакивают свою незадавшуюся жизнь и дураков-хозяев. Как же все-таки глупо выть, если можно укусить и сбежать...

Госпожа Арамона пожелала снявшим верхний ставень недотепам увидеть во сне Мирабеллу, зевнула и отвернулась от настырного светила. Сон тут же вернулся. Вместе с мужем. Покойный капитан ввалился в комнату по лунному лучу, ведя в поводу украшенную анемоновым венком толстую лошадь. Та топнула ногой, луч проломился, словно гнилая доска, и Луиза вновь проснулась в целомудренном одиноче-

стве.

Сон сбежал окончательно, оставив муторный осадок и желание разбудить хотя бы Селину, но госпожа Арамона не собиралась тревожить и без того плохо спавшую Айрис. Дениза говорила, что, если второй сон хуже первого, нужно зажечь огонь, выпить воды и четырежды обойти комнату. А почему бы и нет? Луиза встала, накинула на плечи покрывало и занялась свечами. Псы были пуще прежнего, а луна забавлялась со стеклянным шаром, на котором госпожа Арамона в порыве скаредности штопала чулки. Круглые блики, дразнясь, скакали по потолку, напоминая о чем-то паскудном. К чему снятся маменька и моль? К Мирабелле! А будет сняться Мирабелла, ищи Аглаю Кредон? Капитанша фыркнула, представив родительницу, созерцающую надорскую герцогиню, и физиономию великой вдовы при виде закутанной в шелка мещанки. Зрелище было волнующим, но, увы, недоступным. Как конец зимы.

Капитанша замкнула четвертый круг, глотнула прямо из кувшина еще не ледяной воды и уселась у мутного зеркала, словно какая-то невеста. Стало тоскливо, как бывает только зимними ночами. Где-то за продрогшими холмами спали Оллария, Кошоне, Креденьи, Фельп, там жили, дышали, видели сны Герард, Жюль, Амалия, маменька с господином графом, герцог Эпинэ, Катари, синеглазый кэналлиец, а в затерянном полумертвом замке не было ничего, кроме воя, холода и отвратительного скрипа.

– Сударыня! Я не смел надеяться...

– На что? – Капитанша рывком обернулась, не забыв придержать покрывало. Затянутый в камзол Эйвон торчал опенком у возникшей в стене дыры и трясся от собственной смелости.

– Я не смел надеяться, что вы не спите, – простонал он, – я лишь хотел взглянуть на ваш сон...

– Откуда дыра? – строго осведомилась Луиза. – Впрочем, садитесь, раз вошли.

– Благодарю. – Ввалившийся среди ночи к любовнице граф шагнул вперед, но остался стоять. Святая Октавия, он пришел со шпагой! – Сударыня, раньше в этих комнатах жили младшие дочери Повелителей Скал. Потайной ход предназначался для спасения их жизни, если бы замок захватили враги или изменники.

– А сыновей не спасали? – не выдержала госпожа Арамона, но Эйвон глотал любые колючки не хуже осла.

– Подобные ходы есть в апартаментах всех членов семьи, – радостно сообщил граф, – они проложены по приказу прапрадеда святого Алана герцога Эдварда. Его братья и сестры были уничтожены возжелавшим стать Повелителем Скал дядей. Малолетний Эдвард спасся чудом. Когда он стал хозяином Надора, то велел проложить потайные ходы, ведущие в домовую церковь к алтарю Создателя.

– Очень предусмотрительно, – одобрила Луиза, – но я бы прорыла ход к озеру и спрятала там лодку. Сударь, вас не

затруднит взять из ларца на каминной полке флакон и подать мне? Я, как вы видите, не вполне одета.

– Я счастлив служить вам, – ночной гость метнулся к камину, – исполнить ваше желание для меня – высочайшая честь и величайшая радость.

– Тогда с вас стакан воды, – рассмеялась Луиза, наблюдая за суетящимся любовником. – Я рада вас видеть, но вы явились слишком неожиданно. Кроме того, помещать дам в комнатах с подземным ходом неприлично.

– Сударыня, – Эйвон покаянно рухнул на колени, и у Луизы замерло сердце: доверенный графу флакон был единственным, – я так хотел увидеть вас спящей... Мы после того дня... После того дивного дня ни разу... Я украл ключ от церкви, я хотел...

– Флакон! – потребовала Луиза. – Неважно, что вы хотели, важно, что вы здесь. Вы уверены, что вслед за вами не явится отец Маттео?

– Он спит. – Граф еще раз преклонил колени, и Луиза схватила из холодной руки драгоценную вещицу. – Эти ходы давно заброшены... Я две ночи провел у вашей двери и только сегодня осмелился... Я боялся, что замок заклинило, но небо покровительствует любви! Я должен был вас видеть, и я вас вижу!

– И только? – Луиза сощурилась, считая капли. Тинктура пахла сразу полынью и мятой, но не была ни тем ни другим. Настойкой алатской ветропляски Луиза начала баловаться

после Циллы, полагая, что пяти детей с нее хватит. Отправляясь во дворец, свежеиспеченная дуэнья прихватила с собой и зелье. Из предусмотрительности. Госпожа Арамона намеревалась стать поверенной чужих тайн, но чтобы ветропляска на старости лет пригодилась ей самой....

– Сударыня! – Эйвон так и не двинулся с места, при его то болячках! – Клянусь вам, разве я бы посмел...

– Если любите – посмеете! – Луиза озабоченно потрянула флакон. До весны хватит, а потом придется стеречься. – Встаньте. Камни не для ваших костей, и вообще, сели бы вы на кровать, там ковер. Пойдите, держите!

– Волшебница! – Граф с готовностью ухватил стакан. – Я слышал о любовном напитке, навеки связующем сердца, неужели я держу его в руках?

– В каком-то смысле, – хмыкнула волшебница, берясь за гребень. О том, что со слабо заплетенными косами в постель лучше не лезть, Луиза узнала в первую же супружескую ночь. Маменька перед свадьбой чего только не наговорила, а предупредить о волосах то ли забыла, то ли не захотела. Еще бы, ведь господин граф шутил, что его Аглая в восемь раз красивей своих дочерей, и будь у нее в придачу волосы Луизы и грудь Анны, он бы на ней женился...

– Во имя дивной Луизы! – прервал воспоминания Эйвон. – Я стану вашим рабом и умру у ваших дивных ног!

– «Дивных ног»? – возопила капитанша. – «Дивных»?!
Сударь, что вы делаете?!

Госпожа Арамона, отбросив гребень, рванулась к любовнику, но опоздала – граф торжественно водрузил пустой стакан на стол:

– Теперь нас не разлучит даже смерть!

Этого дивная Луиза не вынесла. Испустив похожий на мяуканье вопль, женщина ткнулась лицом в вытертый камзол, заталкивая назад рвущийся наружу хохот. Эйвон понял возлюбленную по-своему.

2

Четвертая ночь разлуки, четвертая ночь без страха, четвертая ночь надежды и ожидания... Мэллит выдержала больше, глядя на полные тайн горы и незнакомые города, вслушиваясь в чужие слова и шум дорог. Она шла к любимому и умирала с ним и за него сорок тысяч раз, но первородный Альдо победил. Луна не властна над солнцем, огненные лучи растопили лед клятв и выжгли траву заклятий, нужно только ждать встречи, верить солнцу и забыть о грозящей луне. Она бессильна, потому и зла. Ничтожная Мэллит, баронесса Сакаци, пригладила отросшие кудряшки и открыла шкатулку с золотыми куницами на крышке. Так решила царственная, одарив гостью похожим на звон хрусталя именем и родовым знаком. Гоганы не знают гербов, рознящих внуков Кабиоховых, но рыбы, полюбив, становятся птицами, а

камни – цветами. Мэллит вручила душу первородному, а он оправил жалкий дар в золото и осыпал самоцветами. Гоганни прикрыла глаза и наугад выдернула ожерелье. Круглые матовые бусины казались дикими вишнями, но были тверды и не имели запаха. Девушка лукаво улыбнулась и положила драгоценность на блюдо с яблоками и горькими орехами, что так любил «кузен Альдо». Так первородный велел себя называть, и Мэллит старалась, даже оставаясь одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.